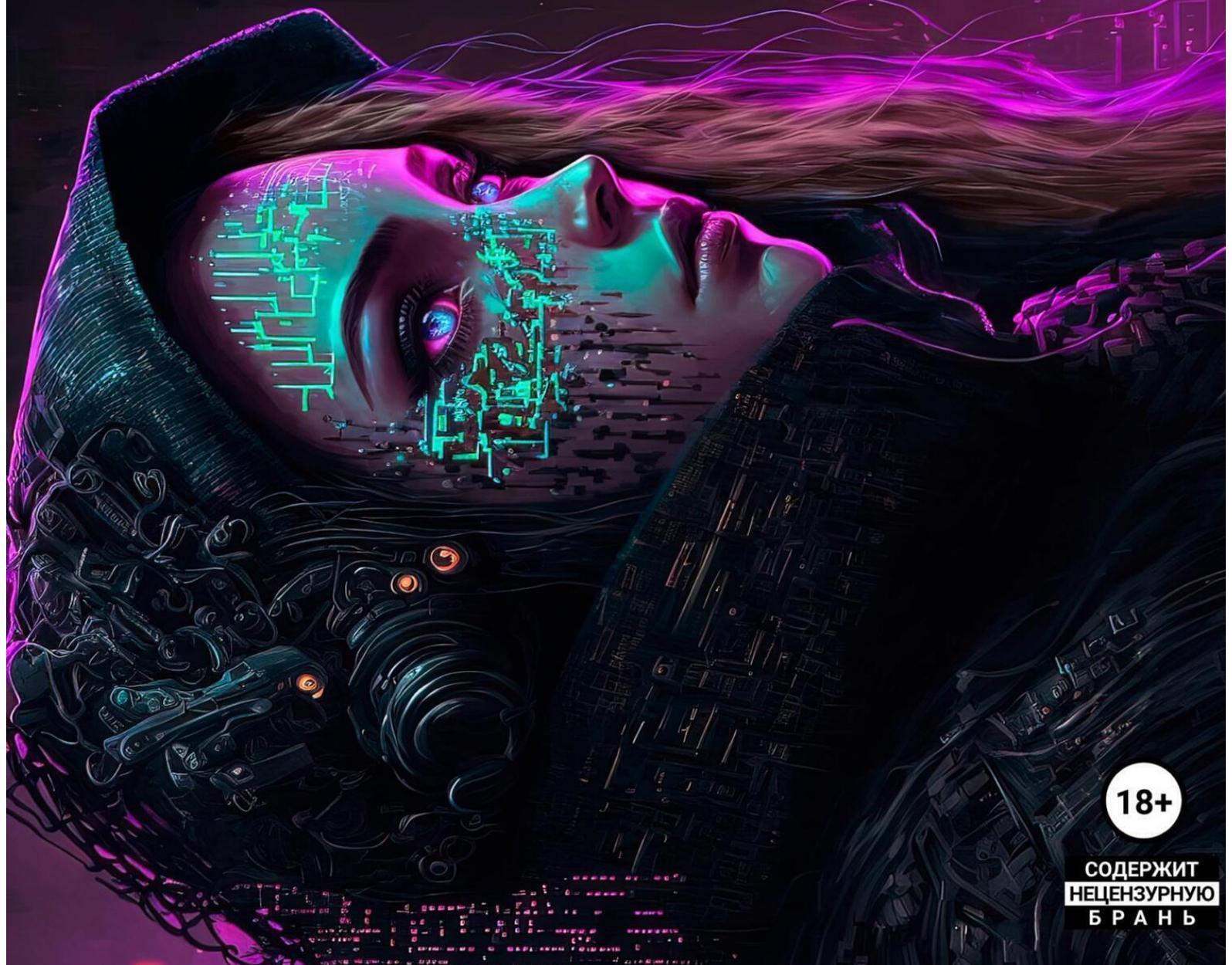

НЕКЛОН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Если нормы морали
диктуются обществом —
в чём истина морали?

ANNEDAR

Mirror

Anne Dar

HeKлoн

«Автор»

2023

Dar A.

HeКлон / A. Dar — «Автор», 2023 — (Mirror)

В середине двадцать первого века клонирование человека становится морально допустимым. Первая высокоразвитая страна запускает проект по созданию человеческих дубликатов. На начальном этапе иметь клонов могут позволить себе только крайне обеспеченные люди. Вскоре пересадки органов во имя спасения своих жизней, продления молодости или из прихоти перестают быть чем-то проблематичным, однако эта привилегия продолжает оставаться доступной только для элит. Мировое сообщество колеблется между желанием последовать примеру одной страны и осознанием моральной неприемлемости эксперимента. На стыке принятия решения в пользу создания клонов по всему миру эксперимент первой страны начинает стремительно входить в стадию стагнации. На фоне этих глобальных событий клон под номером одиннадцать тысяч сто одиннадцать становится на пути поиска ответов на вопросы, которые для разных людей имеют разные ответы: дозволено ли человеку вмешиваться в извечный ход природы столь грубым образом? какими могут быть последствия? отсутствуют ли у клонов души? на что способны клоны, когда речь заходит об их отношении к своим создателям? кто хуже: клон или человек? возможно ли безусловное прощение или лишь достойное отмщение может всё остановить? возможно ли выиграть в игре без правил? и что важнее: доброта или справедливость?

© Dar A., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Part 1	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	49
Глава 14	50
Глава 15	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Anne Dar НеКлон

Посвящается N.

Si os dan papel pautado, escribid por el otro lado.

Если тебе дадут линованную бумагу, пиши поперёк.

– Хуан Рамон Хименес.

Part 1

Mirror

Глава 1

Миррор – государственная академия-клиника закрытого типа в Швеции. Первое и до сих пор единственное в мире место, в котором появляются на свет и выращиваются человеческие клоны. Миррор – это чьё-то неподражаемое достижение, чья-то недостижимая мечта и чей-то ночной кошмар. Миррор – мой дом.

Я появилась на свет в этом месте тридцать первого мая, почти восемнадцать лет назад. Моё появление было спровоцировано искусственно и произведено путём бесполого размножения. Моими родителями могут считаться учёные и оригинал, клетку которого они успешно клонировали. Моими суррогатными матерями, выносившими моё тело в своих утробах, можно считать пробирки, капсулы и, в конечном итоге, инкубаторы. Таким образом появилась на свет одиннадцатитысячная сто одиннадцатая идеальная человеческая копия – я.

Выписка из ID-card клона:

- *Дата появления: 31.05.20**.*
- *Идентификационный номер: 11111.*
- *Полных лет: 17.*
- *Точный рост: 1.77.*
- *Точный вес: 70 кг.*
- *Группа крови: АВ (IV).*
- *Резус-фактор: Отрицательный.*
- *Аллергические реакции: Отсутствуют.*
- *Физические недостатки: Отсутствуют.*
- *Количество произведенных изъятий: 0.*

На пришпиленной к моей ID-карте фотографии красуется миловидное человеческое лицо, имеющее красивый курносый нос, ровную линию губ и большие серые глаза. Это лицо обрамлено чрезмерно густыми волосами каштанового цвета с несколькими более светлыми прядями, всегда заплетаемыми мной в высокий хвост, по бокам неизменно украшенный четырьмя тугими косами. Кажется, будто меня не отличить от оригинала – настоящего человека, не поддельного, каким являюсь я. И всё же оригиналы отчётливо отличают клонов от себе подобных. Различие между нашими типами существ всего одно, но оно настолько важное, что разрезает обоюдное пространство нашего существования бездонной пропастью, которую клонам никак не преодолеть. Дело в том, что у оригиналов есть душа, которую они – так поговаривают – в течение жизни могут даже потерять. У клонов же души нет. И приобрести её мы никогда не сможем. Потому и терять нам – так утверждают – нечего.

Всего в Миррор зарегистрировано 20019 клонов. Но это, конечно, не значит, что все они сейчас живут здесь. Номеров до 9450 уже давно нет, несколько сотен разных номеров сейчас находятся в переходном состоянии, а остальные клоны продолжают оставаться *полноценными* обитателями Миррор. Переходное состояние – это состояние, в котором из-за изъятий определённых органов клон уже не может нормально существовать, но ещё и не мёртв, готовится к последнему изъятию, если повезёт, а если не повезёт, тогда к нескольким изъятиям перед неминуемым уходом. Переходное состояние может случиться между приходом клона в этот мир и его уходом в никуда, однако не каждый клон переживает это состояние. Некоторые клоны познают только приход и уход. Поговаривают, будто человеческие души после своего ухода из этого мира попадают в некий параллельный мир, в котором есть два места – одно для добрых и одно для злых душ. Клоны после ухода никуда не попадают. Ведь у нас нет душ. Для нас уход

означает окончательный конец, без переходов в миры, в которых у нас, как у оригиналов, могла бы быть ещё одна, бесплотная жизнь. Ведь всё наше предназначение заключается во плоти и крови. А потому как в бесплотной жизни для клонов нет смысла, таковой жизни для нас и нет. То ли её для нас не придумали, то ли не открыли, то ли специально закрыли. . . В любом случае, может быть то, что загробной жизни для нас нет, даже хорошо? Ведь немногие души оригиналов после своего ухода попадут в хорошее место, потому что для того, чтобы в загробной жизни не попасть в плохое место, им необходимо эту жизнь прожить благочестиво, а у них это, кажется, не очень получается. По крайней мере, каждый оригинал из тех, которых мне довелось увидеть в своей жизни, смог бы похвастаться душой, но определённо не смог бы похвастаться благочестием. Я слышала, как сами оригиналы поговаривают, будто души многих из них нечисты. Во время процедуры забора крови у восьмидесяти процентов клонов я, находящаяся в освобождённых от этой процедуры двадцати процентах, часто провожу своё свободное время в пустующих аудиториях, дремля на лавках задних парт-моноблоков. Однажды миссис Лундберг, не заметив моего присутствия в пустующей на первый взгляд аудитории, сказала миссис Маттссон следующие слова: “Только из-за факта существования клонов их оригиналы уже не смогут попасть в рай”. На это замечание миссис Маттссон ответила словами: “Не рассчитывайте же на рай и вы, как не рассчитывает на него весь персонал Миррор”.

Не знаю наверняка, что именно наставники этикета и анатомии имели в виду, но после тягостных раздумий, продлившись многие недели, я пришла к выводу, что, может быть, во время своего создания клоны не специально, а как-то случайно, отнимают у своих оригиналов часть их душ, в результате чего оригиналы, клонировавшие себя, остаются лишь с половиной души? Может быть поэтому располовиненные души после своего ухода из этого мира и не могут попасть в хорошее место, которое оригиналы так таинственно называют красивым словом “рай”? Придя к такому выводу, я пересказала подслушанный диалог наставниц своему другу 11112 и поделилась с ним своими умозаключениями. 11112 отличался острым умом, весёлым нравом и слегка замутнённым взглядом, как будто его и нет в этой жизни, как будто он всегда “где-то не здесь”. Может быть, я рассчитывала на то, что он подпитает мою теорию своими собственными догадками, но в результате 11112 не заинтересовался этой темой. Впрочем, подобным образом он всегда реагировал на всякие толки о душах. В этот раз он сказал, что всё мной услышанное вырвано из контекста, отчего мои умозаключения не чувшь, но всё же около нее. Ведь у клонов совсем нет души. А моё предположение – лишь мыслительная проекция моего желания считать, будто внутри моего тела может находиться если не полноценная душа, тогда хотя бы её обрывок. Причём речь шла пусть и о случайно, но об украденном обрывке души – украденном у оригинала! Немыслимая фантастика, граничащая с преступлением.

11112 знает, что я чувствую себя с душой, как я знаю, что он, как и все остальные клоны Миррор, не чувствует внутри себя души. Поэтому все мои мысли – а по-моему не “мысли”, а именно “ощущения” – о душе, 11112 считает обыкновенными мечтами. Многие клоны мечтают однажды, по какому-то неведомому волшебству, перестать быть клонами и превратиться в самых настоящих оригиналов. Опасная мечта, неизменно оборачивающаяся болезненным, горьким и безжалостно мучительным разочарованием. 11112, чтобы уберечь меня от взысканий Марисы Мортон, от которых никогда не мог уберечь даже себя, взял за правило напоминать мне, что я всего лишь одна из мечтателей о том, чего никогда не будет. Клоны никогда не станут оригиналами. Однажды все мы станем частью своих оригиналов, но став ею, мы даже не поймём этого и тем более не начнём жить жизни своих оригиналов. Мы просто органы. Кости и кровь. Плоть без души. Вот и вся философия. Без секрета.

Глава 2

Представьте, что вам не нужно бояться. Преждевременного старения или неизлечимой болезни, которая может настигнуть любого, даже вас или близкого вам человека. Представьте, что у вас никогда не возникнет страшной необходимости стоять в бесконечной очереди за почкой или стволовыми клетками, риск не выстоять которую настолько велик, что от одного только представления этой картины у вас или у ваших близких может начаться если не панический приступ, тогда тремор конечностей. Представьте, что вы можете спастись и можете спасти, можете избежать физических мук или избавить от них кого пожелаете. Конечно же, ваши возможности всё ещё будут сильно ограничены, эликсира бессмертия для физического тела у вас всё ещё нет, да и, давайте начистоту, его никогда у вас и не будет, но эликсир продления времени уже имеется. Воспользуетесь ли вы им, если возникнет необходимость? Ради себя. Или ради дорогого вам человека. Или ради чужого, но нуждающегося ребёнка, или не менее нуждающегося чужого взрослого... В мире так много людей, которым нужна ваша решительность для их спасения. Намного меньше людей, которым вы помогли бы без ожидания просьбы о помощи с их стороны. И всего лишь один вы.

Если надобность совпадёт с возможностью, воспользуетесь ли вы эликсиром времени?

Аккуратно работая пальцами, я плету четвёртую косу в своём высоком хвосте. Мне уже давно не нужно зеркало, чтобы справляться со своей головой. Единственное, для чего я использую зеркало – это для встречи с собственным взглядом. Именно встречи. Я уверена в том, что там, за серой туманностью радужек моих глаз есть нечто внутреннее, что встречается со мной внешней, нечто, что способно вырваться наружу... Но этого не может быть. Ведь мне ясно дали понять – не только наставники, но и всё моё окружение начиная с доброго 11112 до самого незнакомого мне клона – души у меня нет. Все клоны, сколько себя помню и сколько помню их, только и говорят о том, что внутри себя явственно чувствуют растерянность или неопределённость, но никак не душу. Я же чувствую растерянность оттого, что, как мне кажется или как мне хотелось бы, чтобы мне так казалось, мои ощущения разнятся с ощущениями преобладающего большинства. В зеркальном отражении своих глаз я что-то вижу. Да, может быть это вовсе не душа, но что это тогда? Мне нужен ответ. С каждым днём я понимаю это всё отчётливее, а потому всё тщательнее стараюсь скрывать это, хотя бы для того, чтобы не пугать 11112. Он и без того слишком сильно переживает за меня, и мне не хотелось бы доставлять ему лишних волнений. Тем более с учётом того, что накануне вечером Мариса Мортон вернулась в Миррор после своего трехнедельного отпуска, что ещё до въезда её лилового автомобиля в единственные здешние ворота почувствовалось всеми обитателями этого места чем-то наподобие предзнаменования неизбежного смерча – даже в недрах наставнического состава произошли микроскопические на первый взгляд, но значительные на второй, сотрясения.

Серого цвета глаз нет ни у одного известного мне клона или оригинала. Всё больше оттенки коричневого и голубого цветов. Редко встречается зелёный. У одного клона, 12357, гетерохромия: радужка левого глаза – тёмно-синяя, правого – чёрная. А с серыми глазами совсем никого нет. Может, похожие глаза и были у кого-то из тех, кого я не успела застать. Может, дело вовсе не в том, что смотрит на меня через отражение моих глаз? Может быть, ответ на поверхности?

Застегивая последнюю пуговицу пиджака на груди, я непроизвольно хмурюсь. Форма для всех подопечных Миррор неизменного фасона: бело-синего цвета, брюки для мальчиков и парней, для девочек и девушек юбки на ладонь выше колена, и гольфы длиной до колена, белые

рубашки и пришитые к пиджакам воротнички, переходящие в короткие галстуки. У каждого пиджака и каждой рубашки на нагрудном кармане, пришитом на уровне сердца – одного из самых востребованных органов – гладью вышит красивый герб в виде золотого зеркала с ручкой, украшенной витиеватыми завитушками. Я хмурюсь оттого, что пуговица на груди застегивается с трудом. Мой рост остановился в сентябре прошлого года, достигнув отметки метра семидесяти семи сантиметров – редкий клон дорастает до такой отметки, тем более среди девушек, – и я думала, что моя грудь третьего размера тоже уже перестала расти, но вот застегнутая пуговица пиджака снова заметно сжимает мою грудную клетку. Не раздумывая, расстегиваю эту пуговицу. Согласно негласным правилам, которых в Миррор имеется не меньше двух сотен, все подопечные Миррор должны ходить с застегнутыми на все пуговицы пиджаками. Однако нарушители, конечно же, всегда находятся, тем более с учётом того, что конкретно на нарушение этого правила обычно реагирует одна лишь Мариса Мортон, которая, само собой, не вездесуща, хотя таковой явно мечтает если не быть, тогда хотя бы казаться. Чувствую, что мне легче нарушить правило – мне в принципе легче нарушать правила, чем всем моим знакомым, – нежели записать себя на примерку нового пиджака. Мой пиджак достался мне в середине прошлого года из новой партии форм, что значит, что в момент, когда он попал в мои руки, он был совсем новеньким. Если же я захочу его поменять сейчас, мне уже не достанется ничего нового – форма обновляется раз в три года, поэтому те клоны, которые растут слишком быстро, чаще всего носят поношенную форму своих предшественников, которая редко может похвастаться удобством или отсутствием изъянов. К примеру, в конце прошлого года 18424, после изъятия у неё почки, так резко похудела, что ей пришлось поменять всю свою форму целиком, а так как новой формы для нее у портнихи не нашлось, она до сих пор ходит в не по размеру широкой юбке, держащейся на её талии только за счет тугой резинки.

Менять тугую пуговицу на чрезмерно длинные или заметно короткие рукава, на неровно заштопанный воротник или потёртые локти, никому бы не захотелось. Как и не захотелось бы впасть в немилость Марисы Мортон, пусть и всего лишь за незастегнутый пиджак. И всё же я предпочла второй вариант первому. Всегда предпочитала второй вариант. 11112 говорит, что в этом моя проблема: действие порождает противодействие, а я, по его мнению, постоянно противодействую. Боюсь, 11112 ошибается. На самом деле я – та сила, что и действует, и противодействует. Просто силы неравны – я всё ещё немногим слабее того единого организма, что выступает против меня одной, потому до сих пор перевожу на свои повреждения перекись водорода и весь йод, что имеется в кабинете неотложной помощи. Наступит день, когда это прекратится. И что-то мне подсказывает, что он не закончится синим бумажным фонариком в сумеречном небе. Понятия не имею, когда и каким образом “это” однажды прекратится, но странно ощущаю, что это произойдёт точно не так, как этого все ожидают.

Меня окликнул мелодичный голос парня, призвавший меня по имени. Цифру 11111, конечно, ни один оригинал не счёл бы именем и даже кличкой, которой они наделяют своих питомцев, но здесь, в Миррор, цифры складываются в имена для всех местных обитателей, не являющихся оригиналами.

Обернувшись на оклик, я вижу 11112 приближающимся ко мне по широкому коридору зала, в котором помимо меня проживает ещё сто девятнадцать клонов женского пола от шестнадцати до восемнадцати лет. Спальные залы всех клонов размещаются на третьем этаже академии и все выглядят одинаково: высокие сводчатые потолки, высокие арочные окна, два ряда двухэтажных кроватей, по тридцать кроватей в один ряд. Ты у всех на виду, и все на виду у тебя. Всё общее, а значит, у тебя нет ничего своего, и значит, всё ничьё.

– Тебя, как всегда, сложно найти, – улыбается светлой улыбкой 11112. – И это при том, что мы находимся в Миррор.

– Как будто есть другие варианты, где мы могли бы находиться, – парирую я.

– Не начинай. Ты ведь понимаешь, что других вариантов нет.

Предпочитаю промолчать. Потому что на самом деле я понимаю, что другие варианты очень даже есть. И он подозревает, что я могу так думать, но я не хочу его расстраивать, а потому выбираю в качестве ответа молчание.

11112 всего на один день старше меня, его всегда причесанные светлые волосы отливают тёплой желтизной, светлые глаза обрамлены тоненькими и оттого едва заметными мимическими морщинками, ровный нос придает его лицу кажущуюся неприсущей его веселой натуре серьёзность, подбородок украшает маленькая ямочка, над правой бровью красуется небольшой белый шрам, кажущийся шелковым – в семилетнем возрасте падение во время игры в футбол, удар бровью о камень и, как следствие, истерика Марисы Мортон, увидевшей швы на лице одного из безликих для нее подопечных. Зато после этого инцидента она целый месяц не донимала 11112. Но по истечении того сказочного месяца снова начала и с тех пор больше не останавливалась.

– Уже слышала новость? – друг спрятал руки в карманы своих брюк. – Вечером состоится ритуал.

– Какой номер ушел?

– Не угадала. Никто не ушел и не вошел в переходное состояние.

– Значит, будем жечь огни в честь прихода.

– 20020-ый клон в Миррор. Юбилейный. Поговаривают, будто во внешнем мире происходят какие-то перемены, из-за чего в ближайшие месяцы приходы клонов приостановятся.

– Да ладно тебе, – я отозвалась с неприкрытой насмешкой и про себя наполовину ухмыльнулась, наполовину проворчала мысль: “Верить в то, что приходы клонов могут остановиться, и не верить в то, что за пределами Миррор клоны могли бы дышать так же, как в этих стенах – да как же ты выбираешь предметы для своей веры?”.

Основное здание Миррор выглядит величественно: трехэтажное, оштукатуренное белым и желтым цветами, украшенное массивными колоннами и непростой лепниной у самой крыши, а также по периметру арочных окон. На закате дня, в лучах спешащего скрыться за холмами солнца, оно начинает выглядеть особенно загадочным. Может быть поэтому ритуалы в Миррор всегда проводятся именно на закате дня.

Оригиналы празднуют рождения своих детей и отмечают кончины себе подобных. Помимо этого, у них есть много других праздников в честь или во имя определённых событий. У клонов вместо всех этих необыкновенных церемоний – незамысловатые ритуалы. И хотя мы называем происходящее ритуалами, используя множественное число, если присмотреться внимательнее, чего 11112 и все, кто ни попадая, советуют мне не делать, ритуал всего один – запуск бумажных фонариков в небо. Если в Миррор празднуется приход нового клона, мы запускаем в небеса белые фонарики, если отмечается вхождение клона в переходное состояние, мы запускаем красные фонарики, а если речь идёт об уходе, в небеса летят синие фонарики.

Сегодня все мои знакомые целый день были возбуждены. Ритуал прихода – самый любимый у клонов. Пожалуй, единственный любимый. Потому что переходное состояние символизирует муки, а уход – конец. Только приход клонам кажется исключительно “чистым”, “настоящему” праздничным ритуалом. Как же они не осознают, что ритуал прихода ничем не лучше ритуалов переходного состояния и уходов? Ведь белоснежно-чистый приход означает, что рано или поздно в небе неизбежно засияют фонарики мучительного-красного и онемевшего-синего цветов. Приход – это начало неизбежности. Я с ранних лет не понимала, как можно любить то, что неизбежно закончится мучительным ничем. Лишь недавно я нашла для себя ответ: просто клоны не боятся этой неизбежности, потому как знают в ней своё предна-

значение. Получается ли, что я боюсь и что не вижу в происходящем своего предназначения? Это открытие шокировало меня.

Ко мне с 1112 подошла 11134. У нас в руках уже были ещё не разложенные фонарики, но не было огня, поэтому когда 11134, поправив свои тонкие светло-рыжие волосы, показала нам зажигалку, которую раздобыть было не так-то легко, мы оба непроизвольно улыбнулись ей.

– Слышали новость? – встав рядом с рослым 1112, и без того низкая 11134 стала выглядеть ещё ниже. – Через три недели у меня будет второе изъятие.

– Да ты что, – брови 1112 медленно приподнялись, я же никак не могла вспомнить, что именно у 11134 изъяли в первый раз. Кажется, первое изъятие было связано с кожей. – Изъятие какого органа произойдёт?

Произойдёт. Вот так вот просто-неизбежно.

– Сердце, – спокойно пожала плечами 11134, но мне показалось, что в этом пожатии что-то промелькнуло, возможно даже грустное... Грустящих перед изъятием клонов обычно высмеивают, в лучшем случае обозначают трусами, может быть поэтому в следующую секунду 11134 улыбнулась, наигранно-радостно заглянув в глаза 1112.

– Жаль, – на выдохе отозвался 1112. – Если бы речь шла, к примеру, о почке, можно было бы оттянуть уход.

– Ничего страшного, – на сей раз более спокойно пожала плечами 11134. – Почки тоже не пропадут. Их заморозят. Как и все остальные органы. Сам ведь знаешь, что всё будет не зря и ничто не будет впустую.

– Значит, на небосводе не появятся красных фонариков в честь тебя.

– И хорошо. Синий цвет мне нравится больше.

Я перестала слушать их болтовню.

Я старше 11134 всего лишь на полгода. У меня до сих пор не было ни одного изъятия. Многие клоны в гораздо более раннем возрасте не только проходят изъятия и переходные состояния, но и уходят. Самым старшим клоном, всё ещё не ушедшим, сейчас двадцать пять лет, но ни один из них не избежал хотя бы одного изъятия. Сейчас в Миррор много клонов, переживших изъятия и при этом не вошедших в переходную стадию, а значит, оттянувших свой уход. Только перед нами стояла группа младших клонов, среди которых была одноглазая девочка и девочка без волос на левой части головы, беспальный мальчик и онемевший мальчик. Всем им не больше десяти лет от прихода и каждый из них уже что-то отдал своим оригиналам: глазное яблоко, луковицы волос, пальцы и голосовые связки. Чем старше возраст клона, тем выше процент изъятий, но изъятия в совсем юном возрасте отнюдь не редкость. Я вполне могу оказаться самой старшей из тех, кому до сих пор не случилось пережить ни одного изъятия.

Научившись создавать клонов, люди получили уникальную возможность излечивать самые сложные заболевания в истории существования человечества и таким образом спасать себя или своих близких от того, с чем их классическая медицина до сих пор не справлялась. Истории о том, что порой клонов разбирают для разных доноров внутри одной семьи, по причине щедрости оригинала или по причине его преждевременной кончины, в Миррор не являются чем-то новым и тем более необычным. Но хотя такое бывает, оригиналы, работающие в Миррор, предпочитают не толковать на такие темы, а потому порой создаётся впечатление, будто все толки о том, что наши органы действительно могут быть трансплантированы в разных оригиналов – это всего лишь страшилки на ночь, которые мы сами себе выдумываем, ночами втайне от наставников прячась под кроватями с фонариками у лиц, чтобы очередная выдуманная нашими умами – или не нашими? – история звучала как можно более убедительно, а значит, страшно.

До сих пор здоровье у моего оригинала и у его родственников, очевидно, не давало сбоев. Надеюсь, что так будет продолжаться как можно дольше. Всю свою осознанную жизнь только на это и надеюсь. И, может быть, ещё на кое-что. О чём не стоит говорить вслух. Как не стоит

об этом и слишком громко думать. Разве что только по ночам, когда мыслительные процессы окружающих тебя клонов дремлют, а мыслительные процессы оригиналов, способных до тебя дотянуться, заняты только собой.

11134 подошла фитиль моего фонарика и фитиль фонарика 11112, и отошла в сторону, чтобы поделиться огнём с младшими клонами. Я выпустила свой фонарик одной из первых – никогда не любила подолгу удерживать его, а затем наблюдать за его же полётом. 11112 немного помедлил, прежде чем отпустил свой. Он всегда немного медлил. Возможно дело было в том, что он был философского склада ума. Он или всё же оригинал, от которого он произошёл?

– Знаешь, если вдруг мой уход случится раньше твоего, не запускай в небо фонарик, сожги его случайно, – наконец отпустив белый фонарик с начертанной на нем цифрой 20020, не глядя на меня, произнёс мой друг. Я приподняла свои брови в удивлении и, взглянув на собеседника, запечатлела серьезное выражение его лица.

– Так нельзя, и ты это знаешь. И потом, ты ведь не бунтарь.

– Зато ты бунтарка.

Случайно испорченный бумажный фонарик – чуть ли не единственное, за что в Миррор для клонов не предусмотрено взыскание. На бракованные или нарочно испорченные фонарики (второе случается крайне редко) наставники Миррор не обращают своего внимания и вместо поломанного фонарика другой не выдают.

– Обещаю, – наконец отозвалась я, осознанно сдвинув брови. – И ты обещаешь, что сделаешь то же самое, если мой уход произойдёт раньше твоего.

– Да ну.

Меня удивило его неверие в такую вероятность и даже едва не подбодрило. Не потому, что я могу уйти позже, конечно нет. А потому, что, может быть, он на один короткий миг предположил, что я могу – могу? – не уходить по желанию оригинала.

– Твой оригинал ещё ни разу не делал запрос на изъятие, в то время как мне уже изъяли вену из ноги. Помани моё слово: ты уйдёшь позже всех и не будет в честь твоего ухода запущено ни одного фонарика, потому как запускать будет некому.

– Снова ты о своей вере в то, что приходы клонов прекратятся? Я скорее поверю в то, что мы с тобой сможем, конечно если достаточно сильно того захотим, существовать за пределами Миррор, нежели в то, что нам подобных не станет. И не смотри на меня так. Если ты не боишься говорить слова о конце клонов, тогда почему я должна бояться говорить о начале хотя бы для двух из них?

– Ты ничего не боишься. В этом твоя проблема.

– Да нет, боюсь.

– Это, – 11112 окинул рукой пылающий от огней запущенных фонариков небосвод, – предназначение всех клонов. Приход – переход – уход. Нечего бояться того, ради чего ты здесь. А ты только этого и боишься. И больше ничего.

– Я не боюсь ничего из того, что моё. Это, – я взмахнула рукой в сторону мерцающих огней, – не моё.

– Тогда что твоё?

– Не знаю я. Но это не значит, что за меня дозвоительно решать. Мне просто не дают узнать. Как и тебе. Но разве можно считать это поводом для того, чтобы не предпринимать попыток?

– Остановись.

– И не подумай.

– Ну и характер. Интересно было бы узнать, кем является твой оригинал.

– Совсем нет.

– Знаешь, ты, наверное, единственная, кому неинтересен свой оригинал.

– Знаю.

- Снова тебе стоять коленями на гречихе за свободу полёта собственных мыслей.
- Даже не сомневаюсь в этом.
- Не боишься. В этом твоя проблема.

Ничего не ответив на это, я сосредоточенным взглядом посмотрела на профиль собеседника, глядящего на подожженное нашими действиями небо. Он вменял мне бесстрашие перед тем, чего я никак не могла заставить себя бояться, и вменял мне страх перед тем, что должно было страшить и его тоже, но не страшило. В моих глазах природа моего страха должна была быть присуща всем клонам, как и природа моего бесстрашия. Что же с ними со всеми не так? Или этот вопрос неверен? Или верен вопрос: что не так со мной?

Что же у меня за оригинал такой? Я не хочу узнать. Я страшусь этого знания. Мои изъятия и мой уход по воле моего оригинала, и сам мой оригинал – вот полный список моих страхов. Почему я страшусь именно последнего, с учётом того, что девяносто девять процентов оригиналов никогда не встречаются лицом к лицу со своими клонами? Потому что, подозреваю, мой оригинал способен на очень... Очень многое. Я чувствую это, а в случае клона чувствовать – всё равно что знать наверняка.

Глава 3

За нашим физическим состоянием следят со щепетильной тщательностью. Потому физическая культура – не просто самый важный предмет, но целая программа, отклониться от которой ни одному из нас нельзя ни на йоту. Мы должны быть физически здоровы и выносливы, наши органы и мышцы должны быть в идеальном тонусе, наша кровь должна соревноваться с чистой горного ручья, а потому первой по значимости после физической культуры у нас стоит культура питания. Мы питаемся исключительно полезной пищей, сбалансированной и продуманной для каждого клона индивидуально. Я знаю наверняка, что именно буду есть в определенный день недели, знаю, что окажется на моём подносе во время любого из завтраков понедельников, обедов сред и ужинов суббот. Я не оракул, я – клон одиннадцать тысяч сто одиннадцать. Клон одиннадцать тысяч сто двенадцать тоже знает, что и в какое время суток съест. Если бы мой друг был хотя бы на сотую долю таким же бунтарём, каким, очевидно, являюсь я, мы бы могли незаметно для всех разнообразить наш рацион обменом наших блюд, как прежде я проделывала это с клоном одиннадцать тысяч сто десять и как делают многие здешние друзья. Но 11112 чуть ли не из праведников, так что на завтрак мне вновь пришлось довольствоваться постной кашей на воде и зелёным яблоком. Благо на завтрашний завтрак у меня с вероятностью в сто процентов будет яичный бисквит – пожалуй, единственный вариант завтрака, который за почти что восемнадцать лет моего существования до сих пор радует меня своим видом на моей тарелке.

По причине того, что основная часть нашего времени уходит на физические занятия и здоровое питание, нашему общему образованию уделяется меньше времени, чем можно было бы и чем того хотелось бы конкретно мне. Наставники утверждают, что нам незачем приобретать хорошее образование и забивать свои головы лишними знаниями, ведь на цель нашего существования это никак не повлияет. Впрочем, оригиналы некоторых клонов предпочли сделать уклон на изучение некоторых предметов своими клонами, чтобы те изучали те же науки или искусства, которыми занимаются они сами. К примеру, все знают, что оригиналом 12650 является знаменитая шведская флейтистка китайского происхождения по имени Лоу Чжи. Естественно, никто из клонов никогда не слышал игры самой Лоу Джи, но судя по тому, как 12650 управляется с флейтой, её оригинал поразительно талантлива.

С шести до десяти лет нас учат азам счёта и чтения. Уроки математики заканчиваются на уровне изучения простых арифметических операций с числами. Уроки чтения заканчиваются экзаменом, суть которого заключается в прочтении вслух и без запинок одного рассказа, и чтением наизусть гимна Миррор, завершающегося строками: “Мы в мир принесём пламя надежды / Мы телу людскому – спасенья одежды”. После четырех лет обучения счёту и чтению, этим более-менее интересным занятиям приходит конец. Глубинно мы никогда и ничего не изучали, но на втором этаже когда-то имелась маленькая комнатка пять на пять метров, с одним-единственным столом и тремя шкафами, заполненными книгами. Там были книги и по математике, и по литературе. В основном научные, сложные для понимания труды. Но если начать с правильных книг, тогда можно было приноровиться и углубиться во многие вещи. Эта комната никогда и никого не интересовала, она располагалась в конце коридора, в самом тупике, уборщицы хранили в ней свои принадлежности, наставники туда не заходили вовсе. Я облюбовала её и даже пыталась привить любовь к её содержимому 11112 и 11110, но скучному сидению над книгами они предпочитали прогулки на свежем воздухе и игру в мини-гольф. К шестнадцати годам я прочла каждую книгу, найденную в этой комнате. Из книг по углубленной математике я смогла разобраться с уравнениями, степенями, дробями, логарифмами, координатами и очень многим другим. Из книг по другим наукам я узнала о химических связях и их типах, о металлах и неметаллах, о солнечной системе, о расположении сто-

рон света, полюсах, о христианстве и язычестве, о философии, о природе электричества, об океанах и континентах, о войнах, о климатических изменениях... Когда книги закончились, я начала их перечитывать, перепроверять свои заученные знания. Проводя часы в этой комнате, я сожалела только об одном: что в ней не нашлось ни одной художественной книги. Только науки. Но и таким книгам я была безмерно рада. Поэтому когда в конце прошедшего декабря эту комнату разорили – в одно пасмурное утро вынесли из неё все до единой книги и увезли на фургоне вместе с каким-то хламом в неизвестном направлении, после чего освободившееся пространство отдали под очередной склад спортивного инвентаря, – я очень сильно расстроилась. Так сильно, что чуть не начала походить на остальных клонов: мне стало всё равно, что я употребляю одну и ту же пищу, всё равно, что хожу в застегнутом на все пуговицы пиджаке, и всё равно, что мне нужно делать то же, что и всем остальным – быть всего лишь клоном. Заметив моё апатичное настроение, 11112 попробовал украсть у миссис Лундберг дурацкую книгу по этикету, наивно надеясь на то, что хотя бы такое чтение смогло бы развеять мою печаль, однако при попытке кражи был схвачен за руку, за что сразу же был отправлен на гречиху. В качестве протеста я встала на гречиху рядом с ним. За протест пришлось отстоять на один час дольше наказанного. Так всегда: если тебе выносятся взыскание в виде часа стояния коленями на гречихе, спустя час ты будешь свободен, но если кто-то за тебя вступится, он простоят на гречихе на один час дольше. Ещё не было случая, чтобы я стояла на гречихе меньше двух часов.

Наставников в Миррор совсем немного. Медиков и обслуживающего персонала здесь в два раза больше. Все они оригиналы. Может быть поэтому они кажутся нам странными. Однако их крайне отстранённое отношение к нам, и в то же время их бурные взаимоотношения между друг другом, вызывает у нас именно ощущение “странности”. Я никогда не видела, как оригиналы обходятся со своими питомцами, и вообще ни разу в жизни не видела питомцев, но давным-давно прочитав книгу о дрессировке собак, я пришла к выводу, что окружающие нас оригиналы, скорее всего, склонны воспринимать нас за питомцев. Хорошо ли это? Не знаю. Оригиналы, вроде как, любят своих питомцев, и те отвечают своим оригиналам не меньшей любовью. Вот это не вяжется. Чего-чего, а любви в наших отношениях с оригиналами точно нет. Да и что такое любовь? Я её ни к кому ещё не чувствовала, как мне кажется. Может быть только к 11110 и к 11112, но и это больше похоже на привязанность, нежели на что-то большее. И тем не менее, когда 11110 ушла, я сильно страдала и даже плакала. Чтобы никто не заметил моих слёз, в день ухода 11110 мне пришлось терпеть до ночи, чтобы наконец позволить своим глазам прослезиться. Клонов, плачущих из-за ухода одного из нас, могут даже запереть, если слух о таких слезах вдруг долетит до кого-то из наставников. Запирание – самое жесткое взыскание, естественно, опробованное мной не раз.

В основной массе штат Миррор состоит из женщин. Из мужчин здесь на постоянной основе присутствует молчаливый и вечно хмурый мистер Еклунд, исправно работающий садовником, благодаря трудам которого Миррор имеет ровный газон и геометрически выверено подстриженные кусты. Мужского пола здесь ещё главный хирург Эбенезер Роудриг и наставник физической подготовки Джером Баркер. Поговаривают, будто они оба не шведы: первый – американец, второй – на одну половину британец, на вторую половину немец. Первый – кошмар всех клонов, второй – только наставник. Помимо садовника, хирурга и одного наставника в Миррор бывает появляются разнорабочие мужчины вроде водителей или грузчиков, но их имён никто не знает, и они часто меняются – никто из них не появлялся в Миррор больше пяти раз. Поговаривают, будто оригиналы, живущие в своём недостижимом для нас мире, недолюбливают Миррор. Обычно люди недолюбливают то, чего не понимают, или то, чего боятся, или сумму двух этих понятий. Я давно это заметила, наблюдая за нашими наставниками.

С клонами нашего возраста работает всего четыре наставника, не считая Джерома Баркера, который работает с клонами всех возрастов. Миссис Лундберг – низкорослая женщина

сорока пяти лет, с сильно вьющимися и начинающими седеть тёмными волосами, неизменно скованными крупной черепаховой заколкой. На её овальном лице с неприметными чертами ни при каких обстоятельствах не бывает косметики. Весь гардероб этой женщины состоит из семи платьев, каждое из которых она выгуливает в определенный день недели, и десятков разнообразных воротничков, которыми она пытается освежать внешний вид своей неизменности. Миссис Лундберг наставник этикета. Знания этикета нам нужны на тот случай, если вдруг какой-нибудь оригинал захочет увидеть или даже вывести за пределы Миррор своего клона. Последнее, насколько нам известно, не случилось ни разу за всю историю существования Миррор, а потому урок этикета, который, в отличие от гораздо более интересных уроков счёта и чтения продолжает длиться из года в год, считается самым ненужным из всех существующих в общей образовательной программе Миррор уроков. Так считают не только клоны, такого мнения придерживаются и коллеги миссис Лундберг. Однако несмотря на то, что её предмет не заинтересован ни один клон уже после первого полугодия занятия им, и ни один наставник не видит в нём ценности, миссис Лундберг, как ярая поклонница консерватизма, год за годом, совершенно самоотверженно и безустанно стремится доказать всем без исключения – и подопечным клонам, и коллегам оригиналам, – что именно её предмет самый важный из всех существующих в образовательной программе Миррор. Своим стремлением доказать отсутствие пустоты в пустом она же сама и опровергает собственное утверждение о первостепенной важности её предмета, чего напрочь не замечает, словно преждевременно ослепшая ослица, безостановочно тянущая пустой воз.

Миссис Маттссон выше миссис Лундберг на целую голову, что в полной мере позволяет ей чувствовать себя выше миссис Лундберг во всём остальном, хотя она и младше нее на целых пять лет. Миссис Маттссон, как и миссис Лундберг, тоже любит длинные платья, но гардероб у неё поразнообразнее и на её худое лицо, густо покрытое тонкими морщинками, всегда нанесено некоторое количество косметики. Миссис Маттссон преподаёт нам анатомию. Полезный предмет, благодаря которому мы с ранних лет знаем расположение всех наших органов, строение наших мышц и кровеносной системы. Именно миссис Маттссон научила нас препарировать червей и лягушек под микроскопом, что лично меня, в отличие от многих других клонов, не очень захватило. И именно миссис Маттссон занимается половым просвещением клонов.

Клоны не могут иметь детей. Потому что это “неэтично”. Нас стерилизуют по достижению пятилетнего возраста. И хотя я не помню, как проходила эту процедуру, её прохождение запомнилось едва ли не всем клонам. Стерилизацией, как и любой другой операцией, занимается лично Эбенезер Роудриг. У многих первая встреча со скальпелем и хирургом произошла именно в пятилетнем возрасте. С тех пор этого человека боятся все клоны без исключения. Именно он занимается изъятиями и именно он является тем, кто заведует уходами клонов. От его рук ушли тысячи и ещё уйдут тысячи клонов. Но перед тем, как попасть к нему на стол в виде сосуда с органами, многие клоны достигают полового созревания, а это уже область действий именно миссис Маттссон.

Уроки просвещения по половому созреванию начинаются в пятнадцатилетнем возрасте и заканчиваются в шестнадцатилетнем. На этих уроках девушек и парней одновременно просвещают на тему сексуального удовлетворения, для наглядности демонстрируя нам уменьшенные версии манекенов двух полов. Так как у клонов нет надобности предохраняться, нам просто объясняют, как удовлетворять свои сексуальные потребности в кратковременном союзе с половым партнёром. Первые уроки весьма интересны, но впоследствии и они вызывают скуку, так как повторение одного и того же материала по третьему кругу не может быть утомительным только для истинных стойков, которых среди клонов – может быть благодаря оригиналам, от которых мы произошли – нет. К тому же, к середине курса полового просвещения многие клоны уже всю практикуются в этом деле. Таким скорым на практику ученикам лекции миссис Маттссон на тему пестиков и тычинок не только скучны, но и смешны, о чём она, конечно

же, ни в коем случае не должна даже подозревать. Потому что никому не нравится стоять на гречихе. Хотя некоторые всерьёз подозревают меня в обратном.

Миссис Франссон – широкоплечая и при этом низкая женщина шестидесяти трех лет, очень сильно напоминающая старушку лет на десять старше своего реального возраста. Миссис Франссон строже и без того не самых мягких миссис Лундберг и миссис Маттссон. Она преподаёт нам уроки хобби. И каждый её урок приправляется словами: “У всех вас должно быть хобби, которое будет отвлекать вас от срамных мыслей и мечтаний вроде тех, в которых клоны воображают себя одушевлёнными и способными отдаться на волю не своей участи”. И хотя мне нравилось и рисование, и вязание, и вышивание, и выжигание, и вырезание, и пение, и игра на фортепиано – список тех хобби, которыми занимала нас миссис Франссон, поистине может снискать славу бесконечного, – из-за того, что мне не нравились ни манера преподавания этого наставника, ни сам наставник, я так ничем всерьёз и не увлеклась. Впрочем, не только миссис Франссон не нравилась мне, но и я ей была поперек горла, так что неудивительно, что все мои успехи во многих занятиях радовали её не больше, чем мухойка способна радовать муху. Помню, как её действительно порадовали мои слабые результаты на лепке из пластилина – до тех пор я ни разу не видела улыбки на этом испещренном глубокими морщинами лице, и это повеселило уже меня.

Однако ни миссис Лундберг, ни миссис Маттссон, ни миссис Франссон и даже их сумма не сравнится с Марисой Мортон, являющейся не только наставником “по своему духовному предназначению”, как она выражается, но и директором Миррор “по предназначению свыше”. Никто из клонов не знает, что такое “свыше”, но то, как на это “свыше” реагируют наставники, являющиеся одухотворенными оригиналами, может давать нам недвусмысленное представление о том, что это “свыше” не что иное, как нечто более важное, нежели их таинственное “духовное”. Нам этого, очевидно, никогда не понять. Ведь у нас нет душ.

Мариса Мортон – высокая женщина с неестественно ровной осанкой, острыми чертами лица и прямым подбородком, неизменно вздернутом кверху, как будто на кончик её прямого носа постоянно норовит сесть невидимый комар, которого она всегда успешно поражает испепеляющим огнём своих ярко-голубых глаз. Все её платья длиной в пол и с длинными рукавами, закрывающими костлявые запястья, и все они или тёмно-бордовых, или тёмно-лиловых оттенков. Как и миссис Лундберг, она любит расшитые кружевом воротники, но её воротники заметно выше и жестче. В марте текущего года этой женщине исполнилось семьдесят лет, однако её унизанные сединой волосы медленно теряют свою черноту, а морщин на её лице как будто даже меньше, чем на лице миссис Франссон.

Для того чтобы описать общий характер и духовную составляющую миссис Мортон, достаточно будет уточнить, что для всех, за исключением исключительных клонов, страшнее этой женщины в Миррор только один человек – Эбенезер Роудриг, способный намеренно отказать клону в анестезии во время и после изъятия органа. Если бы Мариса Мортон была хирургом, она бы в принципе не растрчивала анестезию на своих подопечных. Однако Мортон не хирург. А потому использует имеющуюся у неё власть более изощренным способом. “Немудрено заставить своего подопечного мучиться в агонии при помощи скальпеля, но справляться с этой задачей во имя благородной воспитательной цели, а не во имя одного лишь удовлетворения личностного эго, да ещё и без использования простейших подручных средств – вот настоящее искусство наставничества”, – такие слова она однажды сказала мистеру Роудригу в ответ на его замечание о том, что стояние клонов на гречихе не что иное, как анахронизм.

К несчастью, или, быть может, к состоянию противоположному, 11112 и я были теми самыми “исключительными” клонами, которые воспринимали Марису Мортон за человека худшего, чем Эбенезер Роудриг. Дело было в том, что с Роудригом я ещё не сталкивалась, лежа на операционном столе, а 11112 сталкивался с ним в такой обстановке лишь единожды, и это столкновение прошло, как он позже выразился, не так плохо, как могло бы пройти, а вот с

Марисой Мортон мы сталкивались лоб в лоб крайне часто, и так как по неведомой нам причине мы оба были внесены в её персональный “чёрный список бездушных” (сокращённо ЧСБ), столкновения эти за редким исключением заканчивались положительным образом для нашей стороны. И если меня Мортон терпеть не могла за мой своенравный характер, тогда 11112 она невзлюбила как будто на ровном месте, просто однажды увидев его перед собой. Небезразличие Марисы Мортон к моему другу достигло таких масштабов, что любой клон в Миррор мог с уверенностью в сто процентов сказать, что 11112 она ненавидит как никакого другого клона – даже я не смогла опередить своего друга на пьедестале вездесущей немилости этой женщины. Вчера она вернулась из своего трехнедельного отпуска, и никто сейчас не сомневается в том, что весь урок дисциплины 11112 проведет коленями на гречихе. Не сомневается в этом и 11112, поэтому накануне он уговаривал меня не вступаться за него, ведь он обладает особым умением с достоинством выносить все взыскания, и особенно “самые несправедливые”. Вот только в этом мы были очень схожи, так что я заранее обработала свои колени увлажняющим кремом, одолженным мной у 12435. Однако для того, чтобы попасть на гречиху, на сей раз мне не понадобилось вступаться за 11112: меня Мортон поставила на гречиху раньше моего друга – за расстегнутые пуговицы пиджака, – а уже спустя минуту рядом со мной опустился на колени улыбающийся 11112 – за то, что встал недостаточно быстро при входе Мортон в кабинет. Вскоре рядом с нами стояли ещё пятеро ребят. Очевидно, Мортон соскучилась по своему духовному предназначению. Повезло, что она поставила меня на гречиху पहले 11112. В противном случае пришлось бы стоять на час дольше всех – за заступничество.

Глава 4

Создавать клонов могут позволить себе только очень влиятельные и богатые оригиналы. От клонов скрывается информация об их оригиналах, но случается, что сведения всё равно просачиваются. Было несколько случаев, когда клоны узнавали имена своих оригиналов благодаря глянцевым журналам, которые завозились в Миррор с прочим барахлом вроде мела для досок или канцелярских принадлежностей. Случались и инциденты, когда разнорабочие, вроде электриков, осматривающих местную проводку, или сантехников, чинящих трубы на проблемном подвальном этаже здания, узнавали в наших лицах определенных оригиналов. Но сегодня случилось кое-что из ряда вон выходящее. Сегодня в Миррор приехала пожилая пара оригиналов лет шестидесяти. Дама была в больших солнцезащитных очках, обрамленных крупной янтарной оправой, её руки украшали длинные шелковые перчатки жемчужного цвета, её изящную фигуру подчеркивал тонкий плащ с короткими рукавами, а на её голове восседала широкополая шляпа, которая поспешно была заменена на шелковый платок алебастрового цвета. Под распахнутым чёрным плащом мужчины виднелся деловой костюм. Все сразу же поняли, что они не простые оригиналы, но имеющие клона. Это было видно не только по их одеянию, но уже только по их роскошной машине – такой роскошной машины не было ни у одного работника Миррор, даже автомобили Эбенезера Роудрига и Марисы Мортон на фоне такого автомобиля выглядели устаревшими моделями. Прилипнув к окнам второго этажа, сотни клонов наблюдали за пожилой парой, приближающейся к главному входу – все пытались разглядеть в лицах этих оригиналов свои собственные черты. Среди любопытствующих оказалась и я. Перед лестницей приняв руку своего мужчины, женщина подняла голову и посмотрела в нашем направлении. Я непроизвольно вздрогнула. Из-за больших солнечных очков и туго завязанного на овальной голове платка, черты её лица невозможно было рассмотреть, но что-то подсказало мне, что в этом оригинале нет ничего схожего со мной.

Следующие полдня в Миррор среди клонов только и было что разговоров об этой пожилой паре. Все гадали, кто из клонов более похож на приехавших мужчину и женщину, и это было странно. Потому что все хотели быть похожими, словно жаждали встречи с родителем, который потерял их в младенчестве, который даровал им жизнь и который, наконец, нашел их, и одновременно боялись распознать в себе схожесть, потому что наверняка знали, чем для каждого из нас завершится встреча с собственным оригиналом. Около десяти тысяч клонов уже ушли, больше десяти тысяч ещё уйдут. Все мы намного моложе своих оригиналов, так что распознать свои черты в прячущихся за очками, платками и шляпами старческих лицах – не самая простая задача и отнюдь не веселое занятие. Смешанные чувства поглотили всех, даже 1112. Но наше смятение продлилось недолго. Спустя пять часов на срочное незапланированное изъятие призвали сразу трех клонов: 16005, 17843 и 19457. Все они были разных возрастов и даже полов – две девочки и один мальчик – не были схожи внешне и даже не имели общего круга знакомых. Нас это потрясло. До сих пор мы даже не предполагали, что можем быть не единственными клонами одного оригинала или можем быть связаны целыми семьями оригиналов.

Незадолго до заката солнца миссис Франссон объявила нам о том, что сегодня же состоится ритуал ухода 16005, 17843 и 19457. Это поразило всех ещё больше. Обычно изъятия запланированы и клонов заранее предупреждают о датах изъятий, чтобы мы успели психологически подготовиться к грядущему, но в этом случае всё было иначе... И сразу уход, даже не переходное состояние. То есть сразу у трёх клонов произошли незапланированные изъятия жизненно важных органов. В этот вечер я особенно остро ощутила свою уязвимость. Поэтому не пошла на ритуал. Конечно же, такой бунт имел крайнюю степень опрометчивости, конечно же, мне было не избежать молниеносного взыскания, но я ничего не могла с собой поделать.

Мне хотелось сломать... Но я не знала что. Поэтому решила просто сломать своё присутствие на ритуале. Позже мне расскажут о том, что 16005 и 17843 были клонами этой пожилой пары, а 19457 была клоном их дочери, и что у 16005 и 17843 были изъяты обе почки, а у 19457 изъяли сердце. Будут болтать, будто в семье этих оригиналов произошло что-то неладное, какая-то авария, в результате которой пострадали их внуки, которым понадобилось экстренное спасение. И снова расскажут про то, как Эбенезер Роудриг лично выносил на улицу морозильные камеры с органами, и что камер в этот раз было в три раза больше, и что уборщики вымывали операционную в три раза дольше обычного, и что главный хирург вновь напевал себе под нос невесёлую песенку про расходный материал. Но пока что уборщики еще не начали вымывать операционную, Роудриг еще не вынес к медицинскому фургону ни одной морозильной камеры, клоны только собирались вокруг Миррор для совершения ритуала ухода в честь сразу трех клонов, а я только начинала то, за что ещё поплачусь принятием наказания в виде запираания – я отходила подальше от основного здания, чтобы не принимать участия в запуске бумажных фонариков.

Помимо основного здания, Миррор имеет еще несколько незначительных зданий, предназначенных для технического или иного обслуживания. Мои ноги неосознанно привели меня к самой непрезентабельной постройке, единственной выполненной из дерева и, на фоне общей штукатурной белизны остальных построек, выглядящей чёрной. Почернело дерево этого несуразного сооружения благодаря суровым северным ветрам и беспристрастно-проливным дождям, которыми Швеция воистину может гордиться.

Тяжело вздохнув, я согнулась, чтобы осмотреть свои чешущиеся колени. Два дня по три часа стояния на гречихе дали о себе знать не только покраснениями, но даже кровоподтеками на коленях. Чтобы не испачкать в кровь белые гольфы, я подогнула их до середины икр. Чуть позже мне крупно повезёт, что в качестве взыскания мне вменяют запираание – самое жесткое из всех возможных взысканий. Потому как стояние на гречихе кровотокающими коленями всё же тяжелее, хотя и мимолетнее. Но пока что я не знаю, что избегу гречихи, и поэтому предвкушаю ту коленную боль, которая потенциально поджидает меня перед отходом ко сну. Будь здесь сейчас 11112, он непременно посоветовал бы мне не глупить, вернуться, пока еще есть время, и смиренно совершить ритуал. А мне плевать хотелось на его заботливые советы, пусть даже звучащие лишь в моей голове!

Резко разогнувшись, я вдруг заметила, что окно пристройки слегка приоткрыто. Видимо, Джером Баркер, которому эта пристройка отошла то ли за наставнические заслуги, то ли за непростой характер, решил проветрить помещение. Подойдя поближе, я поспешно прислонилась плечом к границе окна и украдкой заглянула в образовавшуюся щель. В единственной комнате не было никого. Обстановка же этой комнаты выглядела крайне аскетичной: два стола, на одном из которых расположился большой монитор с клавиатурой, один стул и пара деревянных лавок, один шкаф, пара подвесных полок с немногочисленной утварью. Всё знакомо и рассмотрено сотни раз. Но вот мой взгляд цепляется за нечто совершенно новое, ни разу не виденное мной в этой комнате и в любом другом закоулке Миррор. Да, точно, это книга! Тонкая, в переплете коричневого цвета, с золотыми буквами и витиеватыми линиями на корешке, она лежит на самом краю стола, кажется, ещё чуть-чуть и точно упадёт... Хотя бы поправить её краем пальцев. Но нет, отсюда мне не дотянуться.

Не задумываясь о том, что делаю, я поспешно оглянулась и, убедившись в том, что рядом нет ни души, аккуратно приоткрыла окно ещё на чуть-чуть... Рама вдруг неприятно заскрипела, в ответ на что я непроизвольно поморщила носом.

Ещё парочка секунд колебаний, и мной уже совершен уверенный прыжок в открытое окно. Протянутая рука... Всё. Я поправила книгу. Теперь она не упадёт. Но присмотревшись, я сразу же понимаю, что можно поправить ещё лучше... Поправляю. Однако меня снова не устраивает. Да что же это такое?..

Машинально беру предмет своего интереса в руки, открываю на произвольной странице, поглощаю слова глазами: *“Если тебе дали разлинованную бумагу, пиши поперёк”*. Застываю. Оглядываюсь. Кто это сказал?.. Прямо у меня в голове... Это не цифры, не формулы, не знаки, не уравнения, не таблицы, которые я успела впитать в себя до того, как их выбросили из кладовки, но не выбросили из меня. Слова? Смысл? Голос!

Резко захлопываю драгоценность, словно опасаясь того, что она оживет и пустится от меня наутек, прячу её во внутренний карман своего не застегнутого ни на одну пуговицу пиджака, после чего осознанно застегиваю на себе все семь пуговиц. Выпрыгиваю назад в окно. И с таким воодушевлением спешу навстречу неизбежному наказанию, словно уже пишу принадлежащими только мне чернилами поперёк бумаги, разлинованной кем-то совершенно не знающим мою сущность.

Глава 5

Я снова взбунтовалась. Мариса Мортон начала бить деревянной линейкой вытянутые руки 11112, но уже третий удар пришелся на мою руку, выставленную поверх руки друга.

Парням стоять коленями на гречихе легче, чем девушкам. Потому что у них брюки, а у нас всего лишь тонкие гольфы. Впрочем, Мортон ещё ни разу не забыла уведомить конкретно меня о необходимости закатывать гольфы до щиколоток перед тем, как принять своё взыскание, так что этот предмет гардероба ещё ни разу не уберег мои колени в наших стычках. В этот раз Мортон взыскала 11112 запирающим. Он уже отбыл своё наказание и ушел вместе со всем классом на улицу – сегодня на редкость солнечный и тёплый день, идеально подходящий для отдыха на ровном газоне мистера Еклунда. Мне же стоять на гречихе еще плюс один час – за заступничество. Мариса Мортон всегда лично контролирует исполнение вынесенного ею наказания. Сидит за своим столом у меня за спиной и, распивая чай, составляет очередной отчет о проделанной работе, который никому, кроме нее одной, не нужен.

Я стою ровно – не горблюсь и не шатаюсь, как другие клоны. Не потому, что горбиться, шататься или двигаться нельзя, а потому, что не желаю ни единым своим движением доставить Мортон ещё большее удовольствие.

На самом деле в Миррор всего два вида официальных взыскания: гречиха и запирающее. И оба используются в редких случаях. Большинство клонов ни разу не опробовали на себе ни одного из двух доступных для них взысканий. Просто некоторые клоны не входят в число большинства. Удары же линейкой по рукам практикует исключительно Мариса Мортон – остальные наставники редко прибегают даже к гречихе, не то что к запирающему.

С силой упираясь ладонями в стену напротив и кусая губы от боли, которую в эти секунды мне доставляла впивающаяся в мои колени гречиха, я непроизвольно, мысленно ухмыльнулась. Со стороны получается, что в Миррор клонам живётся очень даже неплохо: лучшее питание, лучшая забота о физическом здоровье, всего четыре часа в день уходит на уроки – этикет, анатомия, хобби и дисциплина, – давно носящие скорее увеселительный, нежели образовательный характер, всё же остальное время мы предоставлены самим себе. Мы можем делать что хотим, но так как наша свобода действий и даже наша фантазия сильно ограничивается стенами Миррор, клоны моего возраста обычно проводят время своей псевдосвободы не очень разнообразно: игры в бадминтон и шашки, прогулки по территории, лежание на кроватях, сплетни, а порой и споры, и, конечно же, почти всеми любимый, и оттого всегда проходящий максимально тайно, секс. Прежде я проводила своё свободное от отбывания взысканий время в тайной комнате с книгами и пособиями по химии или географии, в которой другие клоны порой предпочитали уединяться исключительно ради занятий сексом, но после того как в той комнате не осталось книг, она меня больше не интересует. Зато меня интересует то, что сейчас спрятано во внутреннем кармане моего пиджака. Маленькая, тоненькая книга со словами: *“Шире открой глаза, живи так жадно, как будто через десять секунд умрешь. Старайся увидеть мир. Он прекраснее любой мечты, созданной на фабрике и оплаченной деньгами. Не проси гарантий, не ищи покоя – такого зверя нет на свете”*. Не выдержав веса этих слов, я пересказала эти слова 11112, но он отреагировал на них вялостью, граничащей с незаинтересованностью, что неожиданно задело меня.

В коридоре послышались неровные шаги. Прежде чем человек вошел в кабинет, я уже знала о том, кого именно сейчас увижу. Джером Баркер был пятидесятипятилетним ветераном какой-то неведомой всем войны, хромающим на одну ногу и с двумя продолговатыми шрамами на лице, напоминающими глубокие морщины.

– Мистер Баркер, чем обязана? – за моей спиной раздался стальной голос. Мой взгляд встретился со взглядом вошедшего.

– Мне необходим клон 11111.

– Что ж, как только она отбудет взыскание, я отдам её в Ваше полное распоряжение.

– Не переживайте, я лично прослежу за тем, чтобы этот клон в полной мере отбыл взыскание, предписанное Вашим усмотрением.

– Вы джентльмен, мистер Баркер, хотя и скрываете это, – при этих словах Мортон произвела неоднозначный выдох. – Что ж, раз Вы обещаете проследить, забирайте этого клона, зачем бы он Вам ни понадобился.

Я наверняка знала, зачем я вдруг понадобилась этому наставнику. Поэтому заранее начала предчувствовать запирающие или дополнительные часы на гречихе, даже несмотря на то, что Джером Баркер был единственным наставником в Миррор, который никогда и ни при каких обстоятельствах не прибегал к взысканиям, хотя его репутация и была выстроена на строгости, и дисциплине.

Мы молча дошли до постройки Баркера, в которую я необдуманно проникла накануне, и молча переступили её порог. Я шла в пяти шагах позади наставника и всё гадала, что же будет дальше. Заставит стоять в планке или приседать пару сотен раз? Таким образом он воспитывает буйных парней. Но я ведь не парень. Значит, мне грозит качать пресс...

Стоило мне закрыть за собой дверь, как Баркер, подойдя к подвесным полкам, взял в руки свою круглую жестяную фляжку. Все знали, что именно наставник носит в этом сосуде. Мариса Мортон не раз выговаривала ему за алкоголь, как только директор может выговаривать единственному непослушному подчиненному, на которого имеет недостаточно много влияния, а значит, и рычагов давления.

– Вам нельзя пить в пределах Миррор, – вдруг первой заговорила я, при этом выбрав самые неподходящие слова для начала этого диалога – можно подумать, будто я специально нарываюсь на неприятности, и мои колени прямо сейчас не горят от дикой боли!

Фляжка остановилась на поллёте к его губам, и взгляд наставника встретился с моим.

– А тебе нельзя ходить с расстегнутым пиджаком, заступаться за друга, пропускать ритуалы, первой заговаривать с наставником, который позволяет себе испить из собственной фляги. Мне продолжать этот дурацкий список? – Я промолчала. – Хотя о чём это я, ты ведь не знаешь, что такое собственность, у тебя ведь нет ничего своего, даже твои органы тебе не принадлежат... – Эти слова он уже пробубнил во флягу.

Не дожидаясь, пока он допьёт, я вытащила из внутреннего кармана своего пиджака его книгу и свободным движением руки положила её на стол. Баркер покосился на нее взглядом, выражающим непонятную мне эмоцию, и вдруг сказал:

– Бунт – это смело, а значит, хорошо, когда не глупо. Ты ведь знаешь, что за воровство предписано запирающие на трое суток?

– Оно того стоило.

– Что, правда?

– Правда, что оригиналы живут так, как написано в этой книге? Не читают книги, не имеют собственного мнения, слепо следуют инструкциям?

– Если отвечу, что именно так они и живут?

– Значит, вы ничем не отличаетесь от нас. Значит, вы не свободнее нас.

– Нет, люди так не живут, как написано в этой книге. На первый взгляд...

– А на второй? А на третий или пятый?

Угрюмость Баркера начинала сгущаться, его привычная хрипотца едва уловимо усилилась:

– Ты знаешь, что первые клоны воспитывались не так, как вы? Что из них растили воинов?

– Впервые слышу.

– Я в первую очередь наставник по предмету военной подготовки. Всё равно что дрессировщик львят, рожденных в неволе. Я справился со своим делом. Вырастил отличных воинов. А по итогу их всех... – Он неоднозначно ухмыльнулся, сделал очередной глоток и только после этого продолжил. – Всего лишь разобрали. Вот тебе и смысл жизни. Сечёшь? – Я промолчала. – Вот тебе внеплановый урок, называется “Боли нет”. Вбей в свою непокорную башку, которая, как я погляжу, так и норовит влезть в каждую неровно болтающуюся петлю, так вот вбей в неё, что боли не существует. То, что с тобой происходит, когда ты стоишь коленями на гречихе и кусаешь губы от несуществующей боли – это ноцицепция.

– Что такое ноцицепция? – в моём тоне прозвучала жадность. Я всегда была жадной до новых знаний.

– Активность в афферентных, или по-другому чувствительных нервных волокнах периферической и центральной нервной системы, возбуждаемая разнообразными стимулами, обладающими пульсирующей интенсивностью. Активность эта генерируется ноцицепторами, или по-другому рецепторами боли, которые могут отслеживать механические, тепловые или химические воздействия, превышающие генетически установленный порог возбудимости. Получив повреждающий стимул, ноцицептор передаёт сигнал через спинной мозг и далее в головной. Ноцицепция сопровождается также самыми разнообразными проявлениями и может служить для возникновения опыта боли у живых существ.

– Вы говорите о той боли, которая возникает непосредственно перед тем, как я касаюсь пальцем огня или становлюсь коленями на гречиху. Преждевременное ощущение ожидаемой боли.

– Это именно оно, – ещё один глоток из фляжки. – Организм по всему телу имеет несколько разных видов опиоидных рецепторов, которые участвуют в реакции, связанной с выработкой внутренних эндорфинов. При возникновении стороннего возбуждения эти рецепторы могут тормозить активность нейронов, которые в ином случае стимулировались бы ноцицепторами. Согласно теории «контроля ворот», предложенной Патриком Уоллом и Роном Мелзаком, «ворота» для потока болевых импульсов «закрываются» другими безболезненными стимулами, к примеру такими, как вибрация. Один из самых простых примеров: потирание ушибленного колена ослабляет боль, предотвращая её передачу в мозг. «Закрывание ворот» также может происходить, если сигналы, поступающие из мозга в спинной мозг, подавляются поступающей информацией о другой боли. Избежать боли можно фармакологическими методами: ненаркотические и наркотические анальгетики, а также противовоспалительные препараты. Но есть и другие методы: электрообезболивание, генетическое вмешательство и, наконец, психологический тренинг. Для твоего случая нужен именно последний вариант. Простыми словами: пойми, что боль – это всего лишь ноцицепция, всего лишь реакция, которую можно контролировать, внуши себе отсутствие восприятия твоим организмом боли и начни получать еще больше наслаждения от своего стояния на гречихе.

– Но если не чувствовать боли, тогда в чем удовольствие?

– Хм... А ты интересная. Мазохистка, что ли?

– Нет. Просто какой смысл борьбы, если сама её суть – в моём случае ощущение отдачи – отсутствует?

– Ты борешься с ветряными мельницами, 11111. Скажи, в этом есть смысл?

– Может найду.

– Ну да. Если успеешь до того, как тебя спаяют с твоим оригиналом или его родственником.

Я резко развернулась.

– Стоять.

Я остановилась.

Хромая, наставник приблизился ко мне сзади, и в следующую секунду моей руки коснулось что-то прямоугольное. Я опустила взгляд и увидела книгу. Не ту, что оставила. Другую. Чёрная обложка с серебристыми буквами...

– Уверен, ты уже успела прочесть первую. Так что можешь почитать и вторую. Но учти: чтобы никто не застукал тебя за этим занятием, даже твой дружок 11112. А если всё-таки застукают, и ты укажешь на меня, клянусь, я лично разберу тебя на детали ещё до того, как успеешь попасть на стол к нашему многоуважаемому Роудригу.

– Вы обещали проследить за исполнением взыскания...

– Хочешь на гречиху – ступай к Мортон. Ко мне за подобным не обращайся.

Я вернулась в кабинет, в котором мы оставили Марису Мортон и, как и надеялась, не застала её. Закатав гольфы до середины икр и проговорив себе под нос слова “боли нет”, я встала на гречиху. Боль была. Я простояла сто двадцать секунд. Боль усилилась. Я встала. Колени горели, но пока я потирала их, боль как будто уменьшалась.

Я сразу же решила продолжать тренировки. Благо Мариса Мортон в этом вопросе была на моей стороне.

Глава 6

Прошло три недели. Подходил к концу удивительно теплый для Швеции апрель, сумевший похвастаться аномальной пятнадцатиградусной дневной температурой. Многое изменилось.

Джером Баркер стал обучать меня боевому искусству наравне со старшими клонами мужского пола. Мариса Мортон и другие наставники всё ещё не замечали этого – скорее всего, благодаря тому, что мы занимались в закрытом спортзале, ежедневно по два часа перед закаптом. Уверена, что только благодаря “перестраховке тишиной” мне всё ещё не запретили заниматься “неподобающим делом”.

Неподобающего в моей жизни стало неожиданно много. За три недели я прочла десять художественных книг. Целых десять. На целых десять больше, чем за всю свою жизнь до сих пор. Все эти книги были невероятными, всерьёз говорящими со мной разноголосыми интонациями, по-настоящему написанными поперек линовки!..

Чтобы больше времени уделять чтению, я перестала лезть на рожон, а потому начала застегивать свой вечно распахнутый пиджак. Мариса Мортон явно начала считать мои застегнутые пуговицы если не своим достижением, тогда точно своей победой, однако мне было откровенно наплевать на её умозаключения – я была занята другими мыслями. И всё же за заступничество я пять раз по два часа отстояла на гречихе. От этого мне было попросту не убежать...

Самое главное. Три дня назад мистер Баркер начал учить меня пользованию своим компьютером и открыл для меня ответ на любой вопрос – интернет. И всё же он не оставлял меня наедине с компьютером. Словно опасался, что я взорву эту машину своим любопытством, которым, кажется, я заразила и его. Он продолжал открыто выпивать при мне из своей фляги и костерил меня почему зря, часто стараясь задеть меня за живое словами о разборе меня на запчасти, но к концу третьей недели нашего ежедневного общения меня уже не цепляли его колкости. Боевые занятия – сотни падений на маты, болевые приёмы, кручения, выпады, удушения – кажется, отбили во мне желание обращать внимание на чрезмерно суровые упрёки и даже нападки со стороны этого неизменно ворчливого человека. Для меня было главным, чтобы он продолжал давать мне читать свои любимые книги, продолжал обучать меня своему боевому искусству, не передумал учить меня обращению с компьютером и не дышал в мою сторону перегаром, а остальное, собственно, не столь важно.

Стоя у террасы главного здания, я распрямляла бумажный фонарик синего цвета. Ритуал ухода в честь 11134. Изъятие сердца было произведено ровно в срок, как она нам и сообщила. Я видела, как Эбenezер Роудриг сегодня после обеда выносил к медицинскому фургону семь морозильных камер – всё, что осталось от 11134. Маркером выводя на бумажном фонарике цифры, я попыталась представить, какие бы буквы могла написать вместо них. Какое имя подошло бы солнечноволосой 11134? Проблема в том, что я, как и все остальные клоны, знаю не так уж много вариантов имён оригиналов. Лилли – от цветка лилии, Вива – от живой, Ева – от дышащей. Пожалуй, второй и третий вариант совсем не подходят. Значит, наверное, можно было бы написать на фонарике имя Лилли. Но её так не звали. Лилли – это имя оригинала, а она была клоном.

Без энтузиазма вывожу цифры 11134, только для того, чтобы отдать дань памяти своей знакомой. Скольким знакомым я уже отдала эту дань? Сотням? Да нет. Скорее всего, тысячам... Надеюсь, в этот раз 11112 будет недолго искать огонь для наших фонариков, ведь в прошлые разы нас часто выручала в этом вопросе именно 11134, любящая делиться с клонами своим огнём.

Я придумала себе имя. Вернее, вычитала его в астрономической энциклопедии. Название сорок третьего астероида главного пояса, написанное с большой буквы и звучащее как-то по-женски, красиво, мелодично и одновременно твёрдо, как я люблю. Решила, что так можно было бы назвать меня. Наверное потому, что этот астероид имеет неправильную форму. По крайней мере, так говорила энциклопедия.

Примерно спустя месяц после того, как я придумала себе имя, которое могла бы носить, если бы являлась оригиналом, 11112 и 11110 затеяли игру, суть которой заключалась как раз в том, чтобы выдумать себе оригинальное имя. Кажется, это было два года назад, в последние времена неразлучности нашего трио. Многие клоны играли в эту игру, но никого она не увлекала надолго, потому что оригинальных имен мы знали очень немного, а те имена, что знали, нам не очень нравились, потому как их носили наставники.

Мы втроем лежали на газоне, в тени высокого бука, и, наслаждаясь теплотой летнего утра, говорили о чём-то глупом, совсем не занимающем моего внимания. Может быть 11110 снова сплетничала о наставниках и выдумывала о них небылицы или 11112 рассказывал нам о своём апатичном соседе по койке, готовящемся к пятому изъятию – мало кто переживал так много изъятий, а этот смог. В любом случае мне надоела их болтовня и я решила резко сменить тему. Подняв руку над головой, я как будто схватила пролетающее над нашими головами поверх синего неба белоснежное облако – фонарики-фонарики...

– Я придумала себе имя, – прищурившись одним глазом, продолжая удерживать облако в кулаке, уверенно заявила я.

– Ой как интересно, – хлопнула в ладоши 11110. – Скажи!

– Ариадна.

– Какое необычное имя! Впервые слышу такое... Где ты его услышала?

– Не услышала. Прочла. А вы когда-нибудь думали, какие имена оригиналов взяли бы, если бы вдруг понадобилось?

“Если бы вдруг понадобилось”, – с чего бы вдруг?

– Лукас или Хонас, – ухмыльнулся 11112.

– Не знаю, где ты услышал такое имя Хонас, но Лукас точно знаю! – 11110 всегда быстро входила в азарт. – Лукасом звали того парня, который таскал коробки электрика, которого вызвали, чтобы починить садовые фонари, верно?

– Верно.

– Так и знала! А откуда Хонас?

– Не знаю, приснилось, – неоднозначно ухмыльнулся ей в ответ парень.

– Какие вы интересные! Имена себе повыбирали необычные.

– Давай же и ты удиви нас, – непроизвольно заулыбалась я. – Ну, какое имя себе выбираешь?

– Перл.

– Нет, так не пойдёт! – я не осознала того, как резко выпалила своё категоричное отрицание. Только рука вдруг выпустила улетающее прочь облако и опустилась на газон уже заново сжатым кулаком. Я резко села. Сели и 11110 с 11112.

– Почему нет? – карамельные глаза 11110 округлились, пухлые губы вздрогнули.

– Потому что это имя твоего оригинала.

– Это утверждение не отвечает на мой вопрос о том, почему это имя может не подходить мне.

– Потому что это имя не идентифицирует тебя, не говорит о твоей личности.

– Вот смешная! – 11110 улыбнулась заразительно, как умела только она одна, но на сей раз меня её улыбка не заразила, а раздосадовала. – Я же клон – у меня нет личности! Забыла? Иногда мне вправду кажется, будто ты забываешь об этом. О том, что у нас у всех нет личностей, ведь у нас нет даже душ.

– 11110 права, – сдвинул брови 11112, для которого 11110 всегда была правее меня, но не потому, что он ценил её больше меня, а потому, что её мысли в большинстве случаев совпадали с его, в то время как мои мысли почти всегда не совпадали ни с чьими. – У нас нет индивидуальности, а значит, оригинальной личности. И у тебя её тоже нет. Так зачем же мечтать о том, чего нет и не может быть?

Я их не поняла. А они не поняли меня. В который раз. Но только в тот раз я, разозлившись сама не зная на что, встала и поспешно ушла от них с самоуверенными мыслями о том, что вообще всё может быть, а потому мечтать не только можно, но необходимо. В конце концов, ведь мы же втроем, сколько себя помню, всегда мечтали побывать в Стокгольме. Но если мечты бессмысленны, тогда зачем год за годом обсуждать и представлять, какие необычные дома стоят в Стокгольме и как в одном месте умудряется жить такое большое число оригиналов? Есть ли там лавочки и чем там кормят? Ходят ли там с питомцами по улицам и знают ли там о нашем существовании?

Нет, это было не два года назад. Это было прошлым летом, почти год назад. Год назад у меня с 11112 всё ещё была подруга, с которой мы дружили на протяжении всей своей жизни, кажется, с самого момента нашего выхода из инкубаторов. До того, как стать дуэтом с 11112, мы были неразлучным трио. Её звали 11110, она была смуглой, с вьющимися волосами, кармельными глазами, пухлыми губами и красивым, ровным носом. До четырнадцати лет она, как и я с 11112 до сих пор, как и большинство клонов, не знала, кто является её оригиналом. Мы узнали случайно. Однажды в Миррор контрабандой попала партия глянцевого журнала – двенадцать плотных изданий, забытых какой-то нерадивой уборщицей в кладовой, в которой в те дни я читала затёртые пособия по химии. Они были необычными и потому интересными, а также очень яркими и смотрелись очень нестандартно на фоне тех научных изданий, над изучением и пониманием которых я корпела. Журналы быстро разошлись по рукам – изучив каждый до дыр, я их раздала, надеясь, что какой-то клон откроет для себя новую вселенную через эти письма, – но один журнал я припрятала в качестве подарка для 11110. Она месяц пролежала в лазарете с гриппом, которым тогда переболела большая часть обитателей Миррор, так что мы с 11112 предвкушали, как вручим в её руки не просто журнал, но целых три страницы с семнадцатой по девятнадцатую, на которых был изображен не кто иной, как оригинал 11110! В том, что эта красивая девушка с необычным именем Перл По является оригиналом нашей 11110, у нас не было ни малейших сомнений благодаря детской фотографии, размещенной на последней странице – казалось, словно с неё нам улыбалась 11110 собственной персоной!

11110 пришла в такой восторг от находки своего оригинала, что вскоре я пожалела о том, что поспособствовала этому нахождению.

Статья, написанная в том журнале о Перл По, была посвящена биографии этой необычайно красивой девушки. Мы сопоставили дату прихода 11110 и дату рождения Перл По, и поняли, что 11110 появилась на свет, когда Перл было всего семнадцать лет. Единственная дочь шведского магната (бледнокожий блондин) и американки африканского происхождения (темнокожая и черноволосая), смугленькая и очень миловидная на личико девочка выросла в сногшибательную и сладкоголосую певицу. Она заработала много наград, снималась в каком-то фильме, путешествовала по разным странам, но, как мы все поняли, пока ещё оставалась знаменитостью только в пределах родной страны. И всё в ней было идеально, так, как в нашей 11110, вот только нос очень сильно не совпадал. Вернее, на детском фото он был точь-в-точь таким же, как у нашей 11110, но на последних её фотографиях нос неожиданно изменил своей форме. Это было странно, но только до тех пор, пока мы не прочли о том, что Перл По сделала себе пластическую операцию носа. Сначала читая это, я думала, что, должно быть, что-то стряслось с её носом, может быть, она сломала его или какая-нибудь другая страшная причина вынудила её пойти на столь крайнюю меру, но дальше в статье объяснили, что новый нос украсил Перл По... Я поняла не сразу, но поняла: операция для красоты. Оригиналы почему-

то делают такое с собой. Даже клонов используют для подобного рода операций: пересадка кожи, волосяных луковиц и даже ствольных клеток – всё для красоты. Должно быть, в мире за пределами Миррор очень сильно ценится внешняя красота. По крайней мере, другого объяснения я для себя всё ещё не нашла.

11110 с трепетной аккуратностью изъела из журнала три листа с биографией своего оригинала и, любовно склеив их между собой, сама словно приклеилась к ним – стала с ними неразлучна: носила в кармане своего пиджака и по несколько раз в день уединялась, чтобы прочитать уже заученную ею наизусть статью, засмотреть до потёртостей фотографии, которые, как она нам говорила, показывали ей, какой она станет, когда созреет до лет Перл По. Мы с 11112 даже начали всерьёз верить в то, что 11110 действительно сможет созреть до лет своего оригинала, ведь её оригиналом оказалась не пожилая дама, а пышущая здоровьем молодая женщина... Наши ожидания разбились об айсберг реальности, причём разбивались они болезненно долго, с ритуалом переходного состояния...

В последние месяцы своей жизни 11110 так сильно любовалась своим оригиналом, что меня начало это раздражать. Вернее, меня начало раздражать то, что 11110 начала занижать свою самооценку в честь идеализации оригинала. Восторгаясь Перл По, 11110 то и дело говорила мне с 11112 о том, какая та красивая, какая талантливая и какая богатая, раз уж её родители смогли подарить ей клон, однако сразу же после всех этих восторгов следовало режущее мой слух “но”. “Но я не такая”, – говорила 11110. Она имела в виду, что она не такая замечательная, как Перл По, ведь у неё на лице всё ещё находится некрасивый нос, портящий всю её внешность. Я не понимала убежденности 11110 в своей неидеальности, тем более с учётом того, что её нос казался мне очень даже красивым и безупречно подходящим её внешности, а потому всякий раз слыша от подруги слова: “Никогда не быть мне такой же красивой, как Перл По”, – я злилась и бросалась доказывать ей, что она ошибается в том, что её может портить её собственный нос. Но 11110 было не переубедить – она твёрдо решила, что раз её оригинал избавился от такого носа, значит с ним явно что-то не так. У нашей доброй подруги всерьёз начал развиваться комплекс неполноценности и наверняка развился бы во что-то серьёзное и полноценное, вот только не успел. Первое изъятие 11110: голосовые связки – мгновенное онемение. Второе изъятие: волосяные луковицы – облысение всей левой части головы. Третье изъятие: кожа на груди – перебинтована вся грудная клетка. Переходное состояние. Четвёртое и последнее изъятие: левая почка и непроизвольный отказ правой почки, повлекший собой последующий разбор на органы – уход.

11110 до последнего момента восторгалась своим оригиналом настолько, что так и не рассталась с журнальной вырезкой, с которой так и ушла на своё последнее изъятие. Я так и не поняла этого. И оттого ещё долгое время злилась. Не только на 11110 и не только на Эбенезера Роудрига, в тот вечер вынесшего семь морозильных камер к медицинскому фургону. Злилась я на что-то более объёмное, на нечто, что хотелось назвать общим словом “всё”. Даже фонарик в небо не запустила: на глазах 11112 испортила его, чтобы не запускать – подожгла таким образом, чтобы он не взлетел.

Впоследствии 11112 помог мне отпустить эту боль. В присущей ему спокойной манере объяснил мне, почему 11110 не обижалась на своего оригинала, не роптала на свои муки, не хотела большего... Ответ на все эти вопросы был одним: “Она была клоном”. И 11112 тоже клон. И я тоже. И с нами такое будет... Да-да, будет-будет, несомненно, так надо, так предписано нам, ничего другого, только это и ничего другого, однажды...

– Эй, – из задумчивости меня выдернул знакомый, весёлый голос 11112, – хочешь огонька? – с этими словами он протянул к моему фонарику зажигалку и поджег закрепленную на тонкой проволоке горелку.

– Хочу перестать запускать фонарики.

– Опять твои фантазии?

- Почему нет?
- Ладно, давай пофантазируем. Представь, что все клоны ушли бы одновременно...
- Роудриг не справился бы с одновременным уходом сразу всех клонов.
- Эй, это ведь только фантазия.
- Ладно, извини.
- Представь, что все клоны ушли бы одновременно, тогда в небо не взлетело бы ни одного фонарика, потому что запускать их было бы некому.
- Остались бы наставники.
- Они бы тоже ушли. Конечно не в никуда, как клоны, а в потусторонний мир, предусмотренный для их душ, но в честь уходов оригиналов фонарики ведь не запускают.
- Я скорее однажды проснусь оригиналом, чем такое...
- Почему? – он не дал мне договорить.
- Хотя бы потому что подобное действительно невозможно: чтобы уход случился сразу для всех клонов.
- Вот уж что возможно, так это что-то такое.
- Не понимаю, – я непроизвольно нахмурилась, даже не взглянув на свой взлетающий фонарик.
- Люди затевают войны, войны подразумевают бомбардировки, бомбы попадают в любые здания, могли бы попасть даже в Миррор. Или утечка газа. Вдруг пока все спят, газ распространится по всем вентиляционным шахтам и трубам, и откуда-то вдруг возникнет искра, например, кто-то захочет запустить фонарик и попробует поджечь его...
- С чего вдруг кому-то запускать фонарик ночью, когда все спят? Ну у тебя и воображение, 11112.
- Такое невозможно было воспринимать всерьёз. Я ухмыльнулась, и тема захлопнулась.

Глава 7

Мы с 11112 стали меньше общаться, но, кажется, оба не замечали этого. 11112 прикинул к старшим клонам, с некоторыми из которых я встречалась в спаррингах на тренировках мистера Баркера. Всё окружение 11112 вдруг стало состоять из серьёзных парней, в большинстве случаев выглядящих намного крупнее него. Даже не знаю, что общего мой интеллигентный друг нашел с этими громилами, однако выглядит он воодушевленным, а я слишком занята своими официально не зарегистрированными занятиями с мистером Баркером, так что всё, вроде как, нормально.

– Ты прочла книгу, которую я давал тебе вчера? – голос Джерома Баркера звучит привычно тяжеловесно, с фирменной хрипотцой. Он стоит у завешенного тонкой шторой окна – окно закрыто, чтобы меня не увидели в его постройке чьи-нибудь пытливые глаза, – и потягивает виски из своей поцарапанной фляжки. Я узнала название его излюбленного напитка неделю назад, когда увидела, как он переливает его в свою фляжку из большой прозрачной бутылки с красивой этикеткой, на которой красовалось наименование напитка.

– Да, прочла, – сдвинув брови еще сильнее, я продолжаю всматриваться в светящийся монитор компьютера. – Я вернула. Книга лежит на комодке слева от входа.

Наставник слегка обернулся и, бросив взгляд через своё плечо, не глядя на меня, с вопрошательной интонацией произнес одно-единственное слово, ставшее традиционным после первого вопроса:

– Цитаты?

– Каких взглядов придерживаются массы и каких не придерживаются – безразлично. Им можно предоставить интеллектуальную свободу, потому что интеллекта у них нет.

– Ещё.

– Если ты в меньшинстве – и даже в единственном числе, – это не значит, что ты безумен.

– Ещё.

– Война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила.

– Это так?

– Нет. Всё наоборот.

– Что это значит?

– Это значит, что оригиналы во многом живут наоборот. Может быть, даже во всём? – я перевела свой взгляд с монитора на наставника. Удерживая перед собой флягу, он рассматривал носки своих протёртых от коричневого цвета до бежевого оттенка ботинок.

– Что ты сейчас искала в интернете?

– Хотела узнать побольше о путешествиях.

– Например, что?

– Как оригиналы их совершают?

– Социуму, значит, хочешь научиться, деталь ты бездушная.

– Я и так в социуме, – сдвинула брови я. – Миссис Лундберг обучает нас этикету.

– И чему вас обучает эта старая дева на своих заплесневелых уроках? Словам “здравствуйте”, “пожалуйста”, “извините”? Основам поведения при столкновении с прохожим оригиналом, которого для ваших клоновских жизней изначально намеренно не предусмотрено?

Я закусила губу. Потому что и сама серьёзно подозревала, что уроки миссис Лундберг не иначе как чепуха – вежливость у меня и так врожденная, как мне кажется, – а здесь ещё и другой, да ещё и кажущийся более здравомыслящим наставник высмеивает то, на что нам предписали тратить свои жизни.

– О мире за забором вы можете спросить и у меня, любезные органы.

– У меня есть имя, – всё же я не выдержала. Даже сжала кулак.

– Вот как? И как же тебя зовут, цифра ты пятизначная?

Я снова закусила губу. Я не могла позволить себе роскоши спорить с этим оригиналом. По крайней мере, на данном этапе развития наших взаимоотношений. Он даёт мне книги. Он учит меня боевому искусству, пусть и делает это крайне сурово. Он только начал учить меня пользованию компьютером. Нет, на кону слишком многое.

Выждав и не дождавшись от меня боя – непонятно, удовлетворился он этим или напротив его это раздосадовало, – наставник, отставив свою фляжку на стол, сел на высокий табурет и, врезавшись в меня раздраженным взглядом, продолжил говорить:

– Люди путешествуют на автомобилях. Ты ведь знаешь о существовании таких?

– Конечно. У всех наставников есть автомобили. И у всех, кто приезжает в Миррор...

– Ну естественно, по-другому ведь не продрасть в эту тёмную глушь, – в его голосе всё ещё звучало раздражение, но уже другого оттенка. Теперь он как будто злился не на меня, а на собственные мысли о чём-то мне неведомом. Попыхтев немного, он взял свою фляжку, отпил из нее и только после этого продолжил, уже более спокойным тоном. – Ещё люди путешествуют на самолетах, кораблях или на автобусах, фотографий которых ты, как я понимаю, уже насмотрелась.

– Они просто погружаются в них, и всё?

– Ты бездушная, но не безмозглая ведь? Пока ещё не безмозглая, пока Роудриг не вскрыл твою черепную коробочку. Конечно это не “всё”! Для того чтобы “погрузиться”, как ты выразилась, нужно сначала купить билет. Такой специальный квиток, который тебе должны пробить.

– А где оригиналы берут эти билеты?

– Я же сказал, покупают за деньги. В специальных кассах. Там, в реальном мире, всё за деньги, слышишь? Это здесь вас кормят задарма, так сказать, в кредит – вы кушаете, а после расплачиваетесь.

– Не понимаю. У нас ведь нет денег...

– Органами вы своими расплачиваетесь, понимаешь ты это, печень да селезёнка?

– Понятно, – я отвела взгляд и увидела на мониторе фотографию большого красного автобуса. – И что, оригиналы могут ездить совсем куда захотят?

– Ну как совсем. Если у тебя есть паспорт и деньги, то, конечно, хоть куда. Ты хоть раз видела такое?

– Вы про что? – я вновь вернула свой взгляд к наставнику.

– Деньги, паспорт – видела их, своими пока ещё находящимися на месте глазами?

– Нет.

Мой собеседник вдруг поднялся с табурета и привычно хромым шагом прошествовал к единственному шкафу, находящемуся в комнате. Начал в нём рыться.

– А кассы, они где находятся?

– Ясно где – там же, где и сами средства передвижения: на переправах и на вокзалах. Вот! – вынырнув из шкафа, он подошел к столу и бросил на него какие-то бумажки.

Поднявшись, я приблизилась к столу и, взяв бумажки в руки, начала рассматривать их.

– Это деньги. В обмен на них можно получить еду, крышу над головой, треклятые билеты, про которые ты мне все уши прожужжала и которых в округе Миррор ты не сыщешь даже с миллионом долларов.

– Что такое миллион долларов?

– То, что тебе не светит, только если не распродашь на ярмарке тщеславия все свои органы и заодно органы своего друга 11112.

– Ваша фотография...

– Это паспорт. Без него на свете туго. Много куда не пустят. Да и без него даже внутри страны проблем не оберешься. Нужно иметь, – с этими словами он забрал документ из моих рук. – Обязательно свой, персональный, со своими данными, своей фотографией.

– Паспорт для оригинала, как ID-card для клона, в котором указана индивидуальная информация?

– Кхм... Ну да... Что-то вроде того.

– Вы принесли мне новую книгу?

Мы встретились взглядами. Угрюмость моего собеседника продолжала нарастать. Значит, скоро прогонит.

– Нет.

– Почему?! – эмоция так быстро взорвалась внутри меня, что я, совершенно неожиданно для себя, не успела отконтролировать её. По выражению лица наставника было заметно, что моя реакция стала неожиданностью и для него тоже. – Я ведь прочла предыдущую книгу. Вы обещали давать мне новые книги, как только я прочту те, что Вы приносите мне...

– Зачем тебе?

– Что?

– Зачем тебе, разменной монете, пушечному мясу, органам на ножках, читать? – он впился в меня странным взглядом. Я растерялась. – Почему ты согласилась ходить на боевые искусства? Что тебе даёт знание интернета? Тебе ведь незачем. Тебя ведь разберут. Будешь печенью своего оригинала, почками для его семьи, кожей для его друзей...

– Мне интересно, – неосознанно до боли сжимая кулаки, я ответила сквозь сжатые зубы.

– Почему не интересно 11112?

– Он другой.

– Почему не интересно другим клонам?

– Они другие.

– Может быть, не они?

– Я не знаю! Просто... – я вдруг тяжело выдохнула и резко разжала кулаки, как будто вулкан не взорвался, а лишь выпустил лёгкую испарину.

Пройдя к дверям мимо наставника уверенным и каким-то одновременно уставшим шагом, я слегка повернула голову, но не обернулась:

– Просто принесите мне ещё одну хорошую книгу. Пожалуйста.

Глава 8

Сегодня день забора крови для благотворительной донорской программы. Так как я и 11112 входим в малый процент клонов, оригиналы которых утвердили свой отказ от участия своих клонов в данной программе, что значит, что их клоны не должны участвовать в сдаче своей крови на благотворительные нужды оригинального общества, я, как и обычно, решила разыскать 11112, чтобы вместе побродить по Миррор, посидеть на лавочках или поваляться на газоне. Если бы сегодня Джером Баркер принес мне книгу, как обещал, я бы наверняка спряталась с ней в каком-нибудь закоулке и не стала бы разыскивать 11112, но книги у меня сегодня не было, так что я вышла на поиски друга.

Обычно 11112 предпочитал проводить своё свободное время за играми в бадминтон или шашки, но его не оказалось ни на лужайке справа от парадного входа, ни у игральные досок. В дни забора крови Миррор как будто опустошается – всех клонов одновременно сгоняют на подвальный этаж, где десятки лаборантов, во главе с Роудригом, сливают с их вен необходимые унции крови. Ещё одна причина, по которой клоны боятся и ненавидят Роудрига – он втыкает иглы в вены так больно, “словно желает проткнуть руку до самой кости”. Так говорят все и так говорила 11110 – её оригинал дала разрешение на участие своего клона во взносах для банка крови.

Процедура забора крови незамысловата, проходит два раза в месяц, неизменно заканчивается бледностью клонов, редко, но случаются обмороки. Сдавшим кровь клонам выдают шоколад – для повышения уровня глюкозы в крови. Именно из-за шоколада клоны любят дни заборов крови и ждут их, словно праздников – потому что шоколад не входит в наш стандартный рацион. Я бы ни грамма своей крови не сдала за шоколад, а другие расстраиваются, если их, по причине простуды или из-за недавно произведенных изъятий, лишают возможности участвовать в этой процедуре. 11112 в этом вопросе солидарен со мной: тоже не сдал бы свою кровь ни за какой шоколад – так и сказал мне прямо в глаза. Хотя кто бы нас спрашивал? Всё ведь решают наши оригиналы. И всё же... В подобных вопросах моё мнение редко на целых восемьдесят пять процентов сходится с мнением 11112 (85% – наш зафиксированный максимум), но когда это происходит, я понимаю, почему именно он и 11110 стали моими лучшими друзьями. Не потому, что мы пришли в этот мир друг за другом – потому, что в нас троих с самого начала нашего существования сверкали бунтарские искорки, которых во мне, несомненно, всегда было заметно больше, чем в них двоих вместе взятых, но всё же...

Пошатавшись по пустующим коридорам основного здания, встретив на своем пути всего лишь с десяток клонов, таких же не участвующих в заборе крови, как и я, но так и не найдя 11112, я наконец забрела в последнюю аудиторию первого этажа, расположенную в самом тупике. Эту аудиторию все клоны любили меньше, чем любую другую, потому что в ней проходили уроки дисциплины, ведомые Марисой Мортон. Покосившись взглядом на один из поддонов с гречихой, я подумала о том, не попрактиковаться ли мне в уроке “боли нет”, но решила, что мне ещё предоставят возможность для практики, с моим-то “несгибаемым” характером, как однажды выразилась миссис Франссон, и в итоге предпочла побережь свои колени. Пройдя в конец аудитории, к последним, самым длинным партам, на лавках которых можно было вытянуться в полный рост двухметровому клону, каких в Миррор никогда не водилось, я выбрала лавку в ряду у окна, растянулась на ней и таким образом оказалась под партой. Начав гипнотизировать вырезанные на внутренней стороне парты символы “1650+1701”, определённо оставленные здесь одними из первых клонов, пришедшими в Миррор задолго до нас и давно ушедшими, я не заметила, как начала дремать.

Полностью погрузиться в дрему мне не удалось, хотя тому и способствовало приоткрытое у меня над головой окно, за которым завели свои гипнотические трели певчие птицы, прячущиеся от прямых лучей солнца в густых кронах высоких деревьев. В коридоре послышались уверенные шаги – по стуку каблуков я с легкостью определила, кому принадлежит шаг одного из двух людей, – и вскоре они вошли в аудиторию, которую я выбрала для своего дневного уединения.

– Видеонаблюдение будет включено через два часа после Вашего отъезда, и можете не сомневаться в том, что четырехчасовая дыра в съёмке местной скуки останется всеми незамеченной, так что Ваше пребывание здесь не оставит следов. Как и в предыдущий раз, – голос Марисы Мортон звучал как и всегда вызывающе-самоуверенно. Выглянув в просвет между партами, я увидела её стоящей у наставнического стола. Рядом с ней остановился мужчина с густыми и начинающими седеть усами. На нем была интересная шляпа – таких фасонов я прежде не видела – и длинный плащ серого цвета.

– Вы спасли дочь одного из самых влиятельных людей Швеции, – отозвался незнакомец.
– Дети должны жить.

– Клону, которого Вы предоставили моему нанимателю, было четырнадцать лет, – в тоне мужчины послышались странные ноты.

– Давайте обойдёмся без сантиментов, мистер Перссон. Она была только клоном и к тому же прожившим на год больше спасённого её органами ребёнка. Это существо исполнило предназначение, для которого было создано. Так что всё в полном порядке.

– Точно в полном? Вы говорили, что с её оригиналом проблем не возникнет.

– И я готова повторно подтвердить это утверждение. Я бы не продала вам сердце и глаза этой девочки, если бы не была совершенно уверена в том, что эту сделку можно повернуть с безопасностью для обеих сторон. В конце концов, на кону моя собственная репутация – результат кропотливого труда долгих десятилетий моей жизни. Можете не сомневаться в том, что я не споткнусь там, где вы того боитесь. Оригинал этого клона трагически погибла три месяца тому назад, а её родственники, сочтя самое существование клона кармической причиной несчастной участи их ещё молодой плоти и крови, своеобразным наказанием за то, что их племянница якобы созданием своего клона пошла против природы и самого Господа Бога, отказались от клона и подписали все соответствующие, и страхующие нас отказные бумаги. Этого клона искать никто не будет, и, к тому же, родственников её оригинала всего двое, и оба достаточно религиозны, чтобы не иметь желания связывать себя с клонами.

– Вы весьма хладнокровны.

– Не будь я хладнокровна, не стояла бы сейчас перед Вами в должности директора Миррор. Потому я приму Ваши слова за комплимент. И к тому же не забывайте, что причиной нашей встречи является факт того, что я спасла человеческую жизнь, жизнь ребёнка, причём ребёнка весьма влиятельного человека, как Вы сами успели это подчеркнуть. Клон же бездушен, и самое его существование предопределено логической концовкой. Полагаю, на этой ноте данная тема исчерпывает себя.

С сосредоточенным выражением лица мужчина вытащил из внутреннего кармана своего плаща и протянул своей собеседнице квадратный белый конверт, который та приняла недрогнувшей рукой.

– Деньги на счете карты, которую вы найдете в этом конверте вместе с паролем. Счет офшорный, проблем с хранением средств и их снятием с этой карты в любой точке мира у Вас не возникнет. Учтите, что доступ к этому счету отныне имеется только у Вас и только в единичном экземпляре, потому настоятельно рекомендую Вам беречь информацию о пароле, как зеницу ока, возможно даже продублировать её для себя, потому как в случае возникновения необходимости, восстановлением информации наша сторона заниматься не будет хотя

бы по той причине, что заказчик, в целях обрывания всяких связей с Вашей стороной, не оставляет при себе никаких нитей, способных хотя бы косвенно связать его с данными средствами. Учтите, миссис Мортон, самое важное: с этого момента Вы никак не связаны с моим заказчиком, и происхождение этих средств никак не свяжет Вас с ним впредь. В дальнейшем Вам запрещается искать обратную связь с нашей стороной. Если же Вы нарушите этот запрет, последствия для Вас могут оказаться крайне плачевными. Договор между двумя сторонами полностью выполнен. Статус сделки – закрыта.

– Что ж, Вы выразились весьма недвусмысленно, мистер Перссон. Надеюсь больше не встретить Вас и Вашего заказчика на своем жизненном пути, сколько бы мне ни оставалось от этого скудного отрезка.

– Позвольте задать Вам последний вопрос, – густые брови незнакомца сдвинулись к переносице.

– Спрашивайте, – голос Мортон прозвучал странно, как будто радостно. Может быть потому, что прежде я никогда не слышала его звучание именно в положительных тонах, он и показался мне странным.

– Вы сами только что заметили, что находитесь в весьма почтенном возрасте. Зачем Вам столько денег? Что Вы будете делать с ними?

– То же, что делали бы Вы, получив в своё распоряжение подобную сумму: я буду их тратить.

– Однако работникам Миррор государство платит крайне солидные суммы, а директор Миррор и его главный хирург наверняка получают и вовсе неприличные денежные вознаграждения за свои труды. Ведь работа у местного штата не из легких и тем более не из приятных.

– Денег много не бывает, мистер Перссон. В дополнение к этому я Вас удивлю: я смею Вас уверить в том, что в Миррор нет таких работников, которым приходилась бы не по душе их работа.

Глава 9

Опасаясь разоблачения, которое, несомненно, было способным навсегда внести меня на первое место в ЧСБ Марисы Мортон и даже приблизить мой уход из этого мира, я продолжала дышать через раз и наблюдать за происходящим через просвет между партами.

Коснувшись полей своей странной шляпы рукой, облаченной в черную перчатку, незнакомец вышел из аудитории. Мортон как будто хотела последовать за ним, но вдруг остановилась на пороге и, осмотрев коридор, сделала шаг назад в аудиторию и захлопнула дверь. Моё сердцебиение участилось. Я продолжила наблюдать.

Подойдя к наставническому столу, Мортон взяла с него ножницы и уже собиралась вскрыть конверт, как вдруг произошло совершенно неожиданное – в коридоре послышались громкие женские голоса, откровенно вступившие в серьёзную склоку, граничащую с истерикой. В кричащих интонациях я смогла распознать голоса миссис Маттесон, миссис Франссон и ещё одного наставника, занимающегося младшими группами клонов, что было крайне странно – эти женщины хотя и были вздорны, всё же редко завышали свои голоса даже в обращении с клонами, не то что со своими коллегами. Вздрогнув, Мортон переменилась в лице. Сначала она будто испугалась, но испуг миновал в считанные секунды, отдав место раздраженности, быстро перетекшей в откровенную злость. Отбросив на стол ножницы, Мортон поспешно открыла одну из столовых шифлядок, забросила в неё конверт, после чего громко захлопнула её и поспешила выйти из кабинета. При выходе она с силой хлопнула дверь, таким образом заставив её плотно захлопнуться. Спустя ещё пять секунд её голос зазвучал поверх голосов спорящих и продолжил отдаляться от двери. Недолго думая, я выскочила из своего укрытия и уже спустя считанные секунды очутилась у стола.

Открыв верхнюю шифлядку стола, я увидела конверт. Запечатанный – она не успела сделать даже надреза, так что незаметно, а значит безопасно проверить его содержимое у меня не было возможности. Голоса в коридоре, включая голос Мортон, всё ещё казались достаточно далекими. Схватив конверт, я подбежала к окну, открыла его и выпрыгнула через него на газон. Мне повезло, что все клоны в это время были или на заборе крови, или отдыхали после этой процедуры на спальном этаже – на этой стороне территории никого не оказалось. Я поспешно скрылась за углом здания, затем медленной походкой прошествовала по кустарниковому лабиринту мистера Еклунда, после чего благополучно добрела до постройки Джерома Баркера, в это время должного вести урок физической культуры у клонов среднего возраста. Меня не заметили. За мной не следили. Я осталась наедине со своим сорвавшимся на галоп пульсом.

Облокотившись о стену постройки, с дрожью дыша, я холодными пальцами достала из внутреннего кармана пиджака белоснежный конверт в форме квадрата и не раздумывая, однако с аккуратностью, вскрыла его. Внутри обнаружилось нечто странное. Я была совершенно уверена в том, что тот незнакомец и Мортон вели разговор о тех самых деньгах, про которые прежде рассказывал мне мистер Баркер, но в конверте их не оказалось. Я это понимала, потому что до этого видела, как выглядели деньги мистера Баркера. Сейчас же в моей руке оказалась странная пластиковая карточка, исполненная в золотистом и серебристом цветах. Она никак не походила на деньги. Просто ровный, матовый кусок пластика. Это точно не деньги. Я заглянула внутрь конверта и нашла в нём ещё кое-что, также не являющееся деньгами – квадратную бумажку с печатным текстом: “Для легкости запоминания, паролем является номер пожертвованного Вами клона без первой цифры: пятнадцать тысяч девятьсот тридцать пять”. И больше ничего. Никаких денег, о которых шла речь. Только пластик и какой-то пароль...

Мои руки задрожали от нахлынувшего на моё нутро отвращения, смешанного с ужасом: Мариса Мортон разобрала на органы клон 15935 взамен на пластиковую карточку с ничего

не значащими цифрами, и я выкрала у неё эту вещь! Я не знала 15935, судя по имени этого клона, она была значительно младше меня, но как же никто не заметил её исчезновения?! Ведь даже не было произведено ритуала в честь её ухода! Её что же, просто разобрали, без предупреждения и официального запроса её оригинала?!..

Я позже узнаю, что пропажа была замечена её лучшей подругой, но из-за собственного онемения, вызванного третьим для нее изъятием, она почти никому не успеет донести своё беспокойство – четвёртое изъятие станет для клона 15941 последним. Сейчас же меня вдруг, совершенно неожиданно затошнило. Я скомкала конверт вместе с бумажкой, порвала их на мелкие кусочки и выбросила их остатки в кусты Еклунда. В руках осталась только карточка. Что делать с этой бесполезной вещью? Ведь это даже не деньги, за которые можно было бы попробовать купить билет...

Я выглянула из-за угла постройки. Вокруг всё ещё было как будто бы очень тихо. Даже страшно тихо. Как может быть только перед самой страшной бурей...

Спрятать. И не отдавать. Почему? Потому что то, что эти оригиналы сделали с клоном 15935 – это бездушно. Они ведь оригиналы, у них ведь есть души, так как же они смогли сотворить подобное?! Имея настоящие, оригинальные, человеческие души...

Я предчувствовала, что этот кусок пластика будут искать везде, хотя не могла знать, что последствия этих поисков будут столь страшны, что начнут сниться мне в самых страшных и тёмных кошмарах... Я спрятала карточку достаточно хорошо. Достаточно, чтобы в ближайшие недели меня, в компании многих других клонов, пытали до состояния полусмерти.

Глава 10

Клоны, как и оригиналы, способны видеть сны. Некоторые клоны утверждают, будто им порой снится “память” их оригиналов, что может значить, что во снах нам могут приходить образы из жизней наших оригиналов. Так было у клона 10549: однажды во сне ему как будто бы приснилось имя его оригинала – Патрик, – а перед самым его уходом выяснилось, что его оригинал, занимающий должность министра обороны, носит имя Патрик Якобссон.

Я проснулась оттого, что мне приснилось много воды. Во сне я сидела в хвосте диковинной лодки, а спиной ко мне, на носу лодки сидел большой человек, темный силуэт которого застилал туман, через который мы плыли. Он уверенно и сильно работал вёслами, так, словно знал, куда переправляет нас через густую пелену дымки, а я руководила странным маленьким веслом, пристегнутым к задней части нашего необычного передвижного средства. Человек, оказавшийся в одной лодке со мной, был опасен. Чувствуя исходящую от него угрозу, я опасалась того, что он обернется, чтобы посмотреть на меня. В момент, когда он начал поворачивать свою голову, я так сильно испугалась, что резко перевела взгляд на волнующуюся под нами воду и, распахнув глаза, проснулась от ощущения ледяного холода, соприкоснувшегося с моим онемевшим за ночь телом.

Круг подозреваемых в воровстве конверта, принадлежащего самой Марисе Мортон, был небольшим: всего лишь пятьдесят два клона и ни одного оригинала. Хотя, быть может, Мортон и могла подозревать кого-то из своих коллег, но она не могла делать с ними то, что ей было доступно делать с нами, так что страдали только клоны.

За находку конверта была объявлена награда в десять тысяч долларов. Должно быть, это немалые деньги в мире оригиналов, потому что лаборанты, услышав эту цифру, начали всю стараться вытрясти из нас заветную утрату директора Миррор. Нас отвели на подвальный этаж и здесь начали пытать. По-настоящему. Уже две недели, как я (и ещё пятьдесят один клон) сплю стоя, с завязанными жесткими ремнями запястьями, поднятыми над головой, и просыпаюсь из-за потока холодной воды, который проливается на наши головы каждое утро за час перед рассветом. Ремни привязаны к высокому потолку таким образом, чтобы каждый из нас касался пола только пальцами и не имел опоры для пяток. После восьми часов, проведенных в подвешенном состоянии, тело немеет полностью – от кончиков пальцев ног до самой макушки. Сначала это казалось ужасным, но позже (конкретно мне) стало казаться едва ли не полезным для воспитания бойцовского духа: сразу после нашего пробуждения, для которого используется по меньшей мере десять литров холодной воды на каждого клона, крупные лаборанты, в основном мужчины, “снимают” нас с ремней и укладывают животами на деревянные столы, после чего бьют нас палками по стопам. Дальше начинается разнообразие: кого-то продолжают подвергать водным пыткам (притапливание в бочке или обливание водой со льдом), кого-то избивают (бьют подручными средствами и только спину – не бьют по лицу, чтобы не портить “товарный вид”), кого-то заставляют отжиматься от пола до полубморочного состояния, и как только клон становится неспособным отжаться ещё хоть раз, начинают топтать его ногами.

На своей шкуре я испытала каждую пытку по четырнадцать раз – регулярно один раз в день, однако продолжительность всегда разная. Худшее – притапливание в бочке: двое мужчин удерживают твою голову под водой на протяжении ровно одной минуты, от пяти до пятнадцати раз подряд (пять – мой минимум, пятнадцать – мой максимум). Один раз я потеряла сознание, а когда очнулась, уже была привязанной ремнями к потолку – меня привели в чувство мощной пощечиной, которая рассекла мою нижнюю губу у правого уголка (бывший был левшой).

В конце первой пыточной недели один клон признался в том, чего не делал, и после того как не смог предоставить искомый конверт своим палачам, был избит до такого состояния, что его пришлось в срочном порядке оперировать – у парня вытек глаз. Первый случай, не

считая выписанной мне после обморока пощечины, когда клона били по лицу и били с крайней безжалостностью. После операции этого клона не вернули в пыточную. Один из пыточников сказал, будто с этого парня сняли подозрения, но глаз ему не спасли, и будто бы его оригинал не должен будет этого узнать, а если вдруг по какой-то нелепой случайности узнает, ему скормят версию, согласно которой парень якобы случайно потерял глаз во время игры в футбол.

Нас всё ещё продолжают кормить привычной едой, не урезая нашего рациона. Скорее всего, пекутся об исправном функционировании наших основных органов. И всё же за прошедшие две недели я похудела. Килограмма на три, не больше, но, подозреваю, если в ближайшие пару недель это всё не закончится, я рискую потерять вдвое больше веса.

Я держусь. Может и сломалась бы, если бы в число подозреваемых попал 11112 и я видела бы, как мучают его, но ему повезло: в час, когда Мариса Мортон лишилась своего заветного конверта, сам Эбенезер Роудриг оповещал 11112 о том, что в ближайшие дни тому предстоит изъятие левой почки. 11112 был вне подозрений и готовился – уже должен был пройти – к своему второму по счету изъятию...

Я не видела солнца четырнадцать дней. Упражнение “боли нет” не спасало так, как спасало онемение тела после сна. Некоторые клоны начали кашлять – подозрение на простуду. Может быть, простуженных, как того парня с вытекшим глазом, в итоге прекратят мучить, ведь лёгкие – важные органы. Впрочем, кашель после “холодных ванн” меня всё ещё не схватил, так что у меня нет ни единого весомого повода рассчитывать на облегчение мук.

Запирание в Миррор считается худшим из двух вариантов взысканий – гречиха уступает пьедестал первенства. Его суть заключается в запирании наказуемого на ключ в пустом стенном шкафе. Встроенные в стену шкафы относительно просторные – в них можно сидеть, упершись коленями в дверцу или в стену.

Модернизированный вариант этого взыскания не идёт ни в какое сравнение со своим прототипом.

В утро пятнадцатого дня нашего пребывания в пыточной мы услышали громкое эхо, порождаемое работой множества молотков, доносящееся до нашего слуха из коридора. Вечером этого же дня мы узнали, что несла собой эта звуковая волна.

Нас вывели в коридор, к встроенным в деревянную стену шкафам, в которых лаборанты обычно хранили свои белоснежные халаты, постоянно пачкающиеся в красный цвет. Каких-то клонов им в итоге пришлось насильно запихивать в шкафы. Я шагнула в шкаф самостоятельно, потому что не видела смысла в трате энергии на толкание с громилой-лаборантом, взявшимся за меня. Как только я зашла в шкаф спиной, перед моим лицом захлопнулась дверца, густо утыканная десятками острых гвоздей, длиной и толщиной с женский указательный палец. Повернуться, присесть или изменить своё положение хотя бы на несколько дюймов, совершенно невозможно... От лица до острых концов гвоздей от силы пять сантиметров...

Я думала, что нас оставят в этих шкафах на час. Но нас оставили на целую ночь. А затем ещё на одну ночь и ещё на одну. Две ночи стоя лицом к гвоздям и одна ночь спиной к ним же. Одна девушка – девушек среди нас было немного, всего пятеро, считая со мной – к концу третьей ночи не выдержала и, потеряв сознание, насадилась спиной на гвозди. Её унесли на стол к Роудригу. Вроде бы спасли от кровопотери, но в пыточную больше не вернули.

После дневных пыток водой и побоями все надеялись, что из-за случившегося с 13342 нас оставят ночевать в подвешенном состоянии, но нас опять вывели в коридор к шкафам. Парень, идущий за мной, неожиданно набросился на ведущего его лаборанта и вонзил в него что-то... Это был гвоздь. Он вошел оригиналу в плечо. Ещё бы чуть-чуть, и пострадало бы сердце – жизненно важный орган... Пострадавшего лаборанта сразу же увели, клона повалили

на пол и начали избивать ногами. Всех клонов вернули назад в пыточную, с криками о том, что сегодня мы будем спать подвешенными, и только меня одну, стоявшую с самого края, поспешно заперли в шкафу. В четвёртый раз.

Я не ожидала, что будет так сложно переживать четвертый раз. Может быть, сказался бунт клона с гвоздём, может быть, лицемерие настигшей его страшной расплаты за его сопротивление... Скорее всего, я просто утратила предположения, будто меня навсегда забудут в этом шкафу: всех увели в пыточную, меня заперли – меня забудут! Мне придется провести здесь всю ночь и весь следующий день, и ещё ночь, и ещё, и ещё!.. Пока мой скелет не насадится на гвозди и не сломает своим весом их или себя...

В эту страшную ночь у меня случилась первая в моей жизни паническая атака. Я не могла дышать, начала задыхаться и в итоге потеряла сознание...

...Мне повезло, что в бессознательном состоянии я пробыла недолго и завалилась не вперед, прямоком на торчащие из двери гвозди, а на левый бок, таким образом оперевшись плечом в стену.

Когда я очнулась, в коридоре горел тусклый свет, как будто исходящий не от электрической лампы, а от открытого огня. Темнота же вокруг меня настолько сгустилась, что единственная щель, пропускающая в мою темницу этот тусклый, мерцающий огонёк, выглядела не спасительно, а жутко, потому как луч освещал угрожающе острые концы гвоздей, торчащие прямо перед моим лицом.

В коридоре, не очень далеко от моей пыточной камеры, но и не слишком близко к ней, звучали голоса. Я сразу узнала их и удивилась им. Мариса Мортон не появлялась в пыточной собственной персоной, как не заходил сюда и Джером Баркер, и другие наставники. Но именно голоса Мортон и Баркера сейчас звучали где-то совсем рядом. Первые слова, которые я смогла различить, принадлежали Баркеру:

– Что будет, если оригиналы узнают о таком обращении с их клонами?

– Это Миррор, мистер Баркер. Сплетни умирают в стенах этого заведения.

– Речь не о сплетнях. Речь о реальных повреждениях на телах клонов, которые, согласно законам нашей прогрессивной страны, должны сохраняться, а значит оставаться невредимыми для своих оригиналов.

– Можете не переживать: никто за этих бездушных существ не заступится, даже их оригиналы.

– Разве? – вопрос, вызвавший продолжительное молчание, за которым последовало совсем неожиданное. – Что произойдёт с Миррор и конкретно с Вами, миссис Мортон, если вдруг хотя бы один оригинал одного из этих пострадавших пятидесяти двух клонов случайно узнает о повреждённом состоянии принадлежащей ему собственности?

– Осторожнее, мистер Баркер, ведь я могу решить, будто Вы угрожаете мне.

– Вы сами прекрасно справляетесь с тем, чтобы угрожать себе. – Молчание. – Поддержание целостности и физического здоровья клонов для их оригиналов – основа политики данного учреждения. Ведь так? Что же будет, если я вдруг невзначай взболтну, предположим оригиналу клона 11111, о том, что именно в этих стенах происходит с его клонированным телом?

– Вы не сможете взболтнуть. Вы не знаете, кто является оригиналом клона 11111. Эта информация является конфиденциальной и строго охраняемой...

– Миссис Мортон, не думаете же Вы, что работающие в этом заведении наравне с Вами люди так же слепы, как Вы в своём желании найти пропавший у Вас конверт? Клоны – копии своих оригиналов, разве Вы могли это забыть? Многие из них весьма примечательны. К примеру, у клона 11111 очень знакомая мордашка. Не считаете же Вы, что я не предполагаю, какая именно особа является её оригиналом? Представьте себе, что скажет владелец этого клона, когда узнает, что именно сейчас происходит с телом, которое, по сути своей и согласно законодательству нашей страны, принадлежит ему?

– Вы играете с огнём.

– Как и Вы.

– Я прекращу пытки. Но только на рассвете. Если Вас интересует клон 11111, можете забрать её уже сейчас. Считайте этот презент знаком моего великодушия. Таким образом зароем топор войны прежде чем она грянет, и тем самым предотвратим её начало?

– Как Вы того пожелаете, миссис Мортон.

Он искал меня слишком долго. Прошел по коридору, ушел в пыточную, снова прошел по коридору... Я слышала его шаги, боялась, что не найдёт, но не могла выдавить из себя ни звука, как будто взаправду онемела... И вдруг... Дверь с гвоздями передо мной резко распахнулась, свет лампы, имитирующей живой огонь, которую наставник держал в своей правой руке, ударил мне в лицо...

Я буквально вывалилась наружу...

Он подхватил меня и помог устоять на подкашивающихся ногах, забросил мою левую руку за свою шею и заставил тащиться за ним в неизвестном направлении, сквозь чёрный, пахнувший сыростью коридор...

Подъём по бетонным ступеням босыми ногами едва окончательно не доконал меня... Колючая газонная трава впивалась в стопы... В тёмном небе обострённо-ярко сияла полная луна... Прохладный ночной воздух действовал на моё сознание отрезвляюще... Но меня вдруг затошнило...

Глава 11

Меня рвало в ведро, на дне которого лежала линялая половая тряпка, притопленная литром грязной воды. Я боялась запачкать свою и без того беспросветно грязную пижаму, в которой провела последние две недели, и потому не отрывала подбородка от шершавого пластика ведра. Баркер копался в своём платяном шкафу и что-то бурчал себе под нос, пока я, продолжая извергаться, сидела на полу, всего в паре шагов от его ног. В голове пульсировало излюбленное словосочетание Марисы Мортон “расходный материал”, в глазах то темнело, то развевалось, кровавые синяки на запястьях отчего-то болели как будто бы даже сильнее, чем побои на спине...

– Ну как, полегчало? – вытащив из шкафа раскладушку с жестяным каркасом, Баркер пронес ее прямо у меня над головой.

– Угу... – отставив ведро к стене, я взяла бутылку с водой, ранее предложенную мне наставником, прополоскала рот, сплюнула в то же ведро, сделала пять глотков, затем ещё пять...

Через пять минут я, сильно горбясь и с задранной рубашкой пижамы, сидела на лавке за столом, а мистер Баркер, при помощи перекиси водорода и ватных дисков, обрабатывал мою спину. Морщась от боли, я густо заклеивала лейкопластырем свои окровавленные и посиневшие от гематом пальцы – ни один не остался невредимым.

– Придется все бинты на твоё правое предплечье израсходовать. Что с ним делали?

– Били ногами... Я группировалась и ставила блоки руками, как Вы учили... Помогало, но не рукам.

– Упражнение “боли нет”? – он без предупреждения приложил перекись к открытому ушибу, и я непроизвольно вздрогнула. – Ясно, не работает. Не так-то просто натренироваться этой технике, знаешь ли, так что не расстраивайся...

Я не поверила услышанному. Неужели этот человек, с булыжником в области сердца, только что попытался приободрить меня?..

– Вы сказали, что догадываетесь о том, кто может являться моим оригиналом.

– Это блеф.

– Что это значит?

– Блеф – это выдумка, рассчитанная на запугивание или введение кого-то в заблуждение.

Я разыграл карту оригиналов, потому что знал, что она побьёт все тузы Мортон.

– Почему Вы решили, что побьёт? – я продолжала заклеивать свои пальцы пластырем.

– Ты не сдаешь кровь в банк крови и у тебя до сих пор не было ни одного изъятия, что для клонов твоего возраста крайняя редкость.

– И что это может значить?

– Что тебя берегут. И что твой оригинал определённо точно очень влиятелен.

– Все клоны от очень влиятельных оригиналов. Других здесь не держат.

Отойдя от меня привычной хромой походкой, Баркер забрал с собой окровавленную вату и бинты. Выбросив их в мусорное ведро, он вернулся обратно к столу и, почесав свой старый шрам в виде звёздочки у правого виска, как будто вдруг превратился из пожилого мужчины в старика. Я перевела свой взгляд с его уставшего лица на свои пальцы, которые всё ещё продолжала оклеивать пластырем – осталось замотать ещё три пальца.

– Что-то с тобой не так, девочка. – Я почти ощутила, как моё сердце от этих слов неожиданно сжалось. – Ты не похожа на других воспитанников этого заведения. Ты как будто больше остальных заинтересована жизнью. В тебе больше бунта, мыслей, души...

– У клонов нет души, – я неосознанно прикусила нижнюю губу. Мои нервы были явно на пределе.

- Белая ворона ты.
- А я думала, что Вы уже сегодня ни разу не обзовётесь.
- Это комплимент.
- Что значит?
- Белая ворона среди чёрных – непохожая.
- Эта непохожесть меня однажды доконает.
- Или наоборот.

Я подняла свой затуманенный от усталости взгляд и посмотрела на собеседника, желая понять, что он может иметь в виду, говоря подобное, но наставник смотрел в противоположную сторону.

– Вы говорили, что на многие мили вокруг Миррор нет мест, где можно приобрести билет.

- Разве говорил?
- Кажется...

– Значит не соврал. Рядом с Миррор только три жилые фермы, а дальше на многие мили сплошной живописный пустырь. – Сдвинув брови, наставник вдруг выругался. – Пропади пропадом эта треклятая карточка!

– Какая ещё карточка? – мгновенно напрягшись, я начала вставать из-за стола.

– Мортон утверждает, будто в том конверте, будь он неладен, который у неё пропал, была банковская карта.

- Что такое “банковская карта”?
- Тебе-то какое дело?

– Просто мне всё интересно, – я произнесла эти слова максимально хладнокровным тоном и, уверена в этом, мой собеседник ничего не заподозрил. Тем более с учётом того, что уже в следующую секунду я отвлеклась на странный предмет, замеченный мной лежащим под столом на табурете. Нагнувшись, я взяла его в руки. Тяжелый, странной формы, холодный, чёрный и непохожий ни на что, что я видела в Миррор до сих пор. – Что это?

– Пистолет. Специальная штука, которой можно защититься, но по факту созданная исключительно для убийства.

Я не ощутила страха или близкой к нему по своей сути эмоции, наверное потому, что всю мою жизнь меня готовили к встрече с преждевременной смертью, уготованной мне не судьбой, но людьми, называющими себя оригиналами, но по факту не несущими в себе подлинной оригинальности. Я лишь оценила вес этого предмета и поинтересовалась:

– Зачем это вам?

– Я воевал. Это трофей на нехорошую память, – подойдя ко мне ближе, он забрал у меня пистолет. – Смотри, вот так это держат. На, попробуй. – Я попробовала. – А теперь вложи палец вот сюда и нажми на курок. – Я сделала, как он показал. Что-то щёлкнуло. – Он пуст. Но если вот эту штуку, – он достал из кармана своей кофты чёрный прямоугольник, – вставить вот сюда – пистолет заполнится пулями. Это магазин. Пистолет бывает заряженным, когда магазин в нём, и разряженным, когда магазина в нём нет. Запомни: разряженный пистолет безвреден, но стоит зарядить его...

Он замолчал. Я не выдержала напряжения:

– Что, если в пистолете будут пули?

– Ты будешь иметь возможность убить. Кого угодно: клона, оригинала – любое живое существо. Просто целишься в мишень, нажимаешь на курок, пуля вылетает, попадает в цель и раз и навсегда умерщвляет её, если только попадешь в жизненно важный орган. А теперь самое главное, готова запоминать? – В ответ я лишь уверенно кивнула головой, при этом не отрывая напряженного взгляда от наставника. – Отбирание жизни – зло. Один раз совершить подобное

зло – никогда после не отменить его и не отмыться от содеянного. Мечь – это не выход, а тупик. Что ты успела узнать о войне из последней прочитанной тобой книги? Цитируй.

– Сущность войны – уничтожение не только человеческих жизней, но и плодов человеческого труда. Война – это способ разбивать вдребезги, распылять в стратосфере, топить в морской пучине материалы, которые могли бы улучшить народу жизнь и тем самым в конечном счёте сделать его разумнее.

– Всё так и есть.

– Но...

– Но?

– Вы воевали.

– И потерял всё.

– Не всё. Вы ведь живы.

– Не живы те, кого я убил. А значит, и я не живее их.

– Вы научили меня драться. И рассказали, как работает пистолет.

– Сила не в том, чтобы уметь наносить удары. Сила в том, чтобы уметь ими управлять, а зачастую и сдерживать.

Я сглотнула, вспомнив слова Мортон, сказанные незнакомцу: *“...Смею Вас уверить в том, что в Миррор нет таких работников, которым приходилась бы не по душе их работа”*. Неожиданно для себя я решилась спросить:

– Вам *по душе* то, чем Вы занимаетесь? Ваше дело.

– Я ведь уже сказал, что не считаю себя живее тех ребят, которых я... – Наставник вдруг так тяжело выдохнул, словно был на грани от нервного срыва. – С душой у меня всё сложно. Может быть тебе и повезло, если то, что говорят об отсутствии у вас душ, правда. Ложись на раскладушку и возьми плед. Но подушку отдай. Я сегодня посплю на лавке.

После ночей, проведенных в стоячем положении, подвешенной ремнями к потолку или закрытой в гвоздевых шкафах, раскладушка предстала передо мной мягкой периной. Из-за сильных побоев, на спину мне было не лечь, потому я легла на живот и аккуратно прикрылась тонким, но в эти секунды кажущимся мне согревающим, пледом.

Сначала я услышала, как мистер Баркер берет с полки свою фляжку и звучно отпивает из нее. Спустя полминуты я услышала, как он подошел ко мне. Открыв глаза, я увидела перед своим носом небольшую книгу в матерчатом переплёте, затёртом настолько, что имени автора и названия книги уже было не разобрать.

– Сборник. Избранное, – прохрипел у меня над головой Баркер, стоило мне принять книгу в руку. – Откроешь для себя новый дивный мир.

Он отошел, привычно хромая. Я открыла книгу на первой странице и сразу же удивилась тому, как именно здесь был написан текст: короткими строчками в ровные столбики. Такого я ещё не встречала... Я начала поспешно поглощать слова: *“Всё можно. Вам наврали. Можно всё...”*. Джером выключил свет до того, как я успела прочесть дальше. Неохотно спрятав книгу под раскладушку, я опустила голову на болящее предплечье и мгновенно провалилась в сон.

Глава 12

Оригиналы живут долго. Мариса Мортон уже дожила до семидесяти лет. Однако поговаривают, будто некоторые оригиналы могут доживать и до ста лет, а в редких случаях даже до еще более внушительных цифр.

Мистеру Джерому Баркеру было пятьдесят пять лет. Хотя он и выглядел стариком, такой возраст оригиналы называют средним и считают ранним для ухода. Поэтому я не поверила, когда моя соседка по койке 11126 сообщила мне о том, что Джером Баркер ушел.

Его тело нашли в одной из аудиторий. Причиной ухода назвали то ли сердечную, то ли почечную недостаточность. Разве у него была почечная недостаточность?! Если так, разве это нельзя было исправить?! Я могла бы пожертвовать ему свою почку... Наверное... Мне бы не позволили, но... Захотела бы я того сама?.. Никогда не узнаю.

Для меня случившееся с мистером Баркером стало неожиданно сильным ударом. До сих пор я даже представить себе не могла, чтобы меня настолько заботила жизнь оригинала, но стоило этой жизни оборваться, как я поняла... Я что-то поняла. Я даже расплакалась. Стояла у колонны при входе в декоративный сад Еклунда и, прикрывая рот ладонями, по-настоящему плакала, как до сих пор плакала только из-за ухода 11110.

Уход мистера Баркера случился спустя ровно одну неделю после того, как он вырвал меня, и других клонов, из пыточной. До моего восемнадцатилетия оставалось всего два дня. На протяжении всей недели я ни разу не видела 11112 и боялась того, что он может находиться в переходном состоянии после своего последнего изъятия.

В полдень за телом ушедшего наставника из земель оригиналов приехала медицинская карета. Я видела, как его тело, накрытое белой простыней, на носилках выносят из главного здания...

Ровно через полчаса после отъезда медицинской кареты меня призвали в кабинет Марисы Мортон.

– Кажется, мистер Баркер имел неосторожность сблизиться с тобой, 11111? – директор Миррор сидела за своим величественным столом, украшенным металлическими деталями, и сверлила меня взглядом хищной птицы. Я не собиралась отвечать и тем более отводить взгляд. – Знаешь, что с ним произошло? – нет, я не собиралась подавать своего голоса, который, если бы зазвучал, не порадовал бы этого бездушного оригинала своей твёрдостью. – Впрочем, может быть так даже лучше, – от этих слов по моей коже пробежали непроизвольные мурашки. – Лучше, в смысле хорошо, что твой заступник не узнает о том, что тебе предстоит изъятие.

– Мне предстоит изъятие? – мои брови едва уловимо взмыли вверх, мои саднящие кулаки непроизвольно сжались.

– Послезавтра. Утром в день твоего восемнадцатилетия. Можешь порадоваться – у тебя не будет переходного состояния.

– Изымается незначительный орган?

– Напротив, – глаза Мортон сверкнули недобрым огнём, родственным чувству радости. – Изымаются сразу все твои органы. Ты уходишь на полный разбор, одиннадцать тысяч сто одиннадцать. Такова воля твоего оригинала.

В небе над Миррор редко летают самолёты, но в этот день выйдя из главного здания и посмотрев на небо, я увидела высоко-высоко над своей головой разрезающую небосвод полосу – самолёт, заполненный и ведомый оригиналами, летел на восток. Наблюдая за переполненной оригинальными душами точкой, растерянным, бездушным (как мне о нём объяснили) взглядом, сжимая и разжимая ставшие ледяными пальцы, я думала, и мысли мои звучали как будто не моим, необычным голосом: “Послезавтра меня разберут? Эбенезер Роудриг порежет моё тело на кусочки, разложит эти кусочки по морозильным ящикам, и после всего этого для меня не будет даже жизни в параллельном мире? Ничего для меня не будет? Да как же такое возможно?.. Да никак!”.

Глава 13

У меня был запасной ключ от пристройки Джерома Баркера. Он сам дал мне его, чтобы я могла “безопасно” возвращать ему прочитанные мной книги. Книги он оставлял для меня в тайнике – в стене за шкафом была выемка глубиной в один локоть, а шкаф легко двигался, хотя и приходилось упираться в него всем телом.

К пристройке пришлось красться осторожно. Впрочем, сегодня был день забора крови, так что добраться до пункта своего назначения незамеченной для меня не составило труда. В этом деле мне также неплохо помогли высокие и ровно подстриженные кустарники мистера Еклунда.

Не знаю, на что я рассчитывала, направляясь в пристройку Баркера сразу после разговора с Мортон, но как только я вошла в неё и убедилась в плотности занавешенных на окнах штор, я начала искать. Неизвестно что.

Компьютер был запаролен – наставник так и не назвал мне электронный ключ от него. Единственная комната была привычно пустой. Шкаф.

В шкафу неожиданно нашлось нечто между дорожной сумкой и рюкзаком – интересно пошитая, компактная вещь, которую, должно быть, удобно носить и на плечах, и в руках. Я думала, что найду в этой сумке вещи наставника, но неожиданно нашла нечто совсем странное: чёрную кепку, чёрные мешковатые штаны, чёрную футболку, чёрную кофту, чёрные кроссовки – всё женское и совершенно новое, с приклеенными ярлыками, на которых изображалась одна и та же девушка азиатской внешности, одетая в красивый чёрный костюм, почти походивший на спортивный, но таковым не являющийся. Зачем мистеру Баркеру вдруг понадобилась девчачья одежда? Сложив всё найденное назад в сумку, я увидела борсетку, лежащую на верхней полке шкафа. Взяв её, я не надеялась найти ключи от автомобиля, так как помнила, что тот уже не первый день стоит на парковке со спущенным задним колесом, да и водить я, конечно же, не умею. В борсетке нашлись знакомые вещи: несколько бумажек – деньги, паспорт и... Мои пальцы вздрогнули от неожиданного холода. Пистолет.

Не задумываясь, я перебросила всё найденное в борсетке в сумку со странной одеждой, а саму борсетку вернула на полку – на всякий случай, если вдруг именно эту его вещь будут искать. Вытащив сумку из шкафа, я с легкостью отодвинула его вбок, протянула руку в стенную выемку, вытащила оттуда тот невероятный сборник красиво сложенных слов, который наставник вручил мне сразу после того, как вытащил меня из пыточной... Засунула сборник в эту же сумку, после чего с трудом вместила её в стенную выемку и, наконец, плотно придвинула к тайнику податливый шкаф.

Я крайне вовремя выбежала на улицу. Стоило мне скользнуть в кусты, как у двери пристройки возникли миссис Лундберг с миссис Франссон. Они пробыли внутри пристройки недолго – не больше трех минут. Зашли туда только с одной большой связкой ключей и с ней же вышли – как будто ничего не вносили и ничего не вынесли.

Наблюдая за тем, как наставники удаляются от пристройки, я неосознанно схватилась обеими руками за голову. От осознания того, на что именно я – неужели! наконец! – решаюсь, в моей голове начал разливаться звон, удары пульса оглушали, сердце набатом колотилось обо всё ещё болящие после побоев рёбра...

Приказав себе собраться, я напомнила себе о том, что всё только ещё начинается...

Наставники зашли за угол главного здания. Вдох-выдох-вдох...

Стиснув зубы, я со звоном в ушах вышла на поиски 11112.

Глава 14

Я предполагала, что буду искать друга мучительно долго, возможно даже с проникновением в запретную зону здания, входящую во владения Эбенезера Роудрига. Поэтому когда, подходя к главному входу главного здания, я столкнулась с клоном 17301, которая отстраненным тоном, присущим всем клонам, передала мне новость о том, что 11112 разыскивает меня, я не поверила своему счастью. Мы не виделись целых три недели: две я провела в пыточной, ещё одну 11112 наверняка провёл в какой-нибудь медицинской палате, приходя в себя после изъятия. За это время столь многое изменилось, что от одних только мыслей об этих изменениях по моей спине всерьёз разливается холод.

11112 сидел на расстеленном на газоне пледе: верхней частью тела он скрывался в тени молодого, одинокого клёна, искривленного суровыми северными ветрами, а ноги грел на лишенном тепла весеннем солнце. Ещё издали я заметила, сколь сильно мой друг переменялся в своей внешности. Он выглядел откровенно неважно: очень бледный, с неожиданно впавшими щеками, незначительными, но всё же появившимися под глазами тенями, заметно похудевший и отчего-то вдруг без левой брови.

– Рад видеть тебя, 11111, – вяло улыбнулся мне друг, при этом с заторможенным энтузиазмом помахав мне рукой.

– Выглядишь прелестно, – попыталась улыбнуться в ответ я, но у меня не получилось.

Я опустила на плед, сев по правую руку от главного философа Миррор.

– Помнишь, как в пятнадцатилетнем возрасте нас всех наголо эпилировали лазером, не тронув только наши головы?

– Как же не помнить, – а вот сейчас я отчего-то вдруг улыбнулась искренне, – у меня до сих пор волосы нигде не растут. Только на голове и остались. – Я посмотрела на друга в упор. – Зачем тебе бровь сбрили?

– Не знаю. Должны были изъять только левую почку, а по факту проснулся без почки и без брови, – я отметила, что даже сила голоса 11112 заметно ослабела. – Ты ведь знаешь, что Роудриг не из добряков. Да и его лаборанты не лучше. Может, просто захотели посмеяться, пока я находился в отключке под анестезией. – От услышанного внутри меня мгновенно что-то вспыхнуло и забурлило, мне вдруг захотелось вскрикнуть, стукнуть, сделать что-то осязаемое... – А ты выглядишь совсем неплохо, с учётом того, что ходят слухи, будто тебя и ещё пятьдесят одного клона жестоко пытали за какой-то пропавший у Мортон конверт.

– Всё под одеждой, – приподняв рукав своего пиджака, я показала другу обмотанное бинтами правое предплечье, и его взгляд выхватил мои заклеенные лейкопластырем пальцы.

– Никогда бы не подумал, что нас *действительно* могут пытаться.

– Почему нет?

– Хотя бы потому что хуже гречихи и запиранья с нами ничего до сих пор не делали.

– Нас разбирают на органы, 11112, – я врезалась в друга категоричным взглядом, в ответ на что он вздохнул и отвёл свой взгляд в сторону. – Тебе бровь лазером сбрили?

– Не знаю.

– Ничего, узнаем через недельку-другую. Если не лазером, значит скоро отрастёт.

– Не узнаем.

– Что ты имеешь в виду?

– Через три дня меня введут в переходное состояние, за которым, как ты знаешь, следует неизбежный уход.

– Но ведь только недавно у тебя изъяли почку...

– Нужны ещё вены, – голос 11112 звучал угнетённо и как-то странно. “Пропавше” что ли.

– А меня планируют уже послезавтра пустить на полный разбор.

– Что?! – от неожиданно выданной, сильной эмоции друга я даже слегка подскочила на месте. 11112 отличался крайней сдержанностью, редко использовал восклицательные интонации, а здесь вдруг в таком вялом состоянии и такая ярко выраженная эмоция! Меня это приободрило. 11112 всегда пытался если не потушить, так спрятать мой огонь, чтобы он не привлекал внимания оригиналов или недружелюбно настроенных клонов, и даже несмотря на то, что у него это не получалось, он не сдавался. Я опасалась, что и сейчас он попытается притушить меня – естественно, как и всегда, безрезультатно, – но услышав в его тоне именно ту эмоцию, которую я всегда жаждала услышать от него – несогласие! – я почти поверила в то, что у меня получится спасти и его тоже – лично я не собираюсь покорно позволять убивать себя! Сделав глубокий вдох, я, наконец, произнесла пугающие слова вслух:

– Мы можем сбежать.

– Куда?!

От услышанного вопроса у меня перехватило дыхание. Он спросил куда! Он не сказал “нет”! Не спросил, не сошла ли я с ума! Он задал такой хороший вопрос!

– Пока ещё не знаю куда, но так жить нельзя...

– Мы и не собираемся жить.

А вот это нехорошо...

– Но мы можем собраться! – мой голос прозвучал уверенно и, может быть, даже твёрдо.

– С чего ты взяла, что можем?

– Я так чувствую.

– У тебя нет души.

– Значит это не чувства, а мысли, – я не была согласна с этим утверждением, но сейчас у нас завязывался спор не на жизнь, а на смерть, так что было не до выяснения смыслов понятий, – называй как хочешь...

– Если уж говорить оперируя твоими понятиями, тогда я *чувствую*, что не смогу жить вне Миррор.

– Это крайняя глупость...

– Нет, послушай. Я не вижу смысла в своем существовании. В самом прямом смысле этого утверждения. Я с самого своего прихода в этот мир как будто живу в переходном состоянии: от прихода до ухода – ничего до, ничего после, а между этими двумя пунктами только растерянность. Подумай, ведь на самом деле так живут все клоны, которых мы с тобой знаем. Все, за исключением тебя. Может быть, с твоим оригиналом было что-то не так во время процедуры клонирования или с ним в принципе что-то не так, из-за чего ты получилась *не такой* – я не знаю, в чём тут дело.

– Речь не обо мне – речь о тебе. Я бегу, 11112. И ты тоже должен бежать.

– Должен?

– Должен потому что можешь!

– Я едва передвигаю ногами после изъятия почки...

– Я помогу.

– Нет, мы вдвоём не сможем.

– Да сможем, 11112! Сможем!

– Дай угадаю: потому что ты *чувствуешь*, что вообще всё можешь – верно? – глаза моего собеседника как будто улыбнулись мне. Он не высмеивал меня, но всё же то, что он не воспринимал всерьёз возможность нашего побега, а приговор, вынесенный нам оригиналами ещё до нашего прихода в этот мир, всегда воспринимал за неоспоримую истину, уже не в первый раз привело меня не только в смятение, но и в раздражение, граничащее со злостью. Мне необходимо было врезать ему отрезвляющую пощечину. Конечно не такую, какой меня приводили в чувства в пыточной, только ментальную, но такой силы, чтобы его пробрало до глубины души, которой у него, как и у меня – конечно же я этого никогда не забываю! – нет.

– Это я украла конверт Мортон.

От шока глаза 11112 округлились до предела, а его рот на несколько секунд замер в приоткрытом состоянии.

– Что ты сейчас сказала?

– Ты прекрасно расслышал мои слова. Действительно хочешь, чтобы я повторила?

Всегда аккуратный 11112 начал оглядываться по сторонам:

– Нет. Нет, не говори. Я услышал.

Меня неожиданно развеселила его реакция: обсуждение вероятности побега его так не пугало, как испугала новость об истинной причине исчезновения конверта Мортон. И здесь до меня вдруг дошло: да это ведь потому, что он *с самого начала* не воспринимал всерьёз даже самую мысль о возможности нашего побега, зато он всегда всерьёз опасался кары Мортон... Мои брови резко сдвинулись к переносице.

– Ты действительно это сделала? – в голосе друга звучал страх, но странный, как будто под этой эмоцией, как под тонким льдом, скрывалась какая-то более сильная, более важная стихия.

– Сделала.

– Что было в том конверте?

– Карточка.

– Карточка? – кажется он в очередной раз не поверил своим ушам.

– Думала, что там могут быть деньги оригиналов, но там оказался только кусок цветного пластика.

– Но если это даже не деньги оригиналов, тогда почему Мортон так взвинтилась, потеряв эту вещь?

– Ты ведь кое-чего не знаешь, я ещё не рассказала... Эту карточку ей дал какой-то незнакомец, оригинал, за то, что она отдала какому-то его заказчику клона 15935 на полный разбор.

11112 смотрел на меня ошарашенным взглядом. Он как будто пропустил мои последние слова мимо ушей.

– Ты собственными глазами видела, что делали с той полусотней клонов в пыточной, ты на собственной шкуре претерпевала пытки, и всё из-за какого-то никчёмного конверта с куском ничего не значащего пластика?! Ты позволяла происходить этому ужасу с другими, самолично переживала все это...

– Клонам всё равно, что с ними происходит или что с ними будет происходить. Даже тебе всё равно. Ты сам говорил: у нас нет душ, а наши тела ничего не значат для нас.

– А как же ты?!

– Я тоже клон.

– Но ты не такая, как мы!

– Что это значит?

– Тебе не всё равно, Ариадна!

От услышанного, выбранного мне собой же имени, меня покорило, как будто что-то болезненно резануло по слуху...

– Моё имя одиннадцать тысяч сто одиннадцать, – я вдруг разозлилась. – Как же ты не понимаешь?! За владение этой карточкой Мортон разобрала на органы клона, одного из нас, такого, как ты и я! Просто потому, что хотела, просто потому, что могла! Ей нужна эта вещь больше всего на свете. Она так жаждет завладеть своей утратой, что поставила на кон всю свою репутацию и всю свою карьеру, которыми она так кичится. Ведь если оригиналы узнают, что она творит с телами их клонов, которые, по факту, являются их собственными телами... – я поджала губы, потому что вдруг поняла, что начинаю цитировать “карту” Джерома Баркера. – Только поэтому, потому что эта вещь так сильно нужна Мортон, потому что ради обладания этой вещью она разобрала одного из нас, я её ей не верну.

– Не возвращай ей и это, – 11112 неожиданно вложил в мою руку какой-то странный предмет чёрного цвета, прямоугольный и с отстегивающейся крышкой, размером с детский палец.

– Что это? – я растерялась.

– Запоминающее устройство, использующее в качестве носителя флеш-память, и подключаемое к компьютеру или иному считывающему устройству по интерфейсу USB.

– Не понимаю...

– В Миррор ведётся видеозапись. Каждый этаж, каждая комната, даже туалеты, даже отделение Роудрига, даже... Те комнаты, в которых вас пытали. Все коридоры, каждый угол. Никто из клонов, похоже, не знает об этом...

– Мортон в разговоре с незнакомцем упоминала какое-то выключенное видеонаблюдение... Если так, значит она до сих пор не знает, что её конверт взяла я, только потому, что видеонаблюдение в тот день было временно приостановлено? – по моей спине пробежались неприятные мурашки. – Откуда у тебя это?

– Неважно. Спрячь, – 11112 вдруг забрал из моих рук эту странную вещь и засунул её во внутренний карман моего пиджака. При этом он продолжал говорить неприсущим ему, взволнованным тоном: – Важно вот что: на этой флешке записаны все издевательства Марисы Мортон, Эбenezера Роудрига и совсем всех оригиналов, работающих здесь. Издевательства над нами, клонами. Материал по тебе отсортирован отдельно, в папку под номером один – это мой тебе подарок. В ней совсем всё, что происходило с тобой в Миррор, вплоть до пыточной и сегодняшнего дня. Можешь удалить эту папку, и тогда никто не узнает, что ты отсюда, из Миррор. Но остальной материал... Обнародуй его. Обязательно обнародуй. Чтобы все оригиналы, а не только те, кто создал себе клонов, узнали правду о том, что здесь делали с нами, чтобы они не создали новый Миррор...

– Новый Миррор? О чём ты говоришь?..

Я смотрела на своего друга и не узнавала его. Он вспыхнул, как будто его схватила лихорадка, переносчицей которой всё это время являлась я, его глаза горели, его бледные щеки вдруг налились цветом, его руки сжались в кулаки... Внезапно я рассмотрела в нём такую бурю, какой до сих пор не обладала даже я. Это открытие неожиданно, но лишь в некоторой степени, напугало меня. Потому что та небезопасность, которая в эту минуту исходила от 11112, не то что превосходила всем известную мою небезопасность – она в корне отличалась. Он как будто мог... Как будто мог сделать что-то, что Джером Баркер назвал бы непоправимым.

– Слушай меня внимательно, – 11112 с неожиданной силой схватил меня за плечи, – наши спальные комнаты находятся на третьем этаже, через коридор тебе не пройти, так что будешь спускаться по пожарной лестнице...

– Сегодня.

– Нет, завтра.

– Завтра?! Почему завтра?! Ведь уже на послезавтра назначен мой полный разбор. И пожарная лестница не вариант – окна в туалетных комнатах прочно замурованы...

– Именно поэтому организуем побег завтра: нам нужно подготовиться. Сегодня не успеем. Завтра окно в туалетной комнате, в той, которая примыкает к твоему спальному залу, будет незаметно для всех вскрыто. Я позабочусь об этом, так что не проверяй, просто доверься. Ровно за час до полуночи – после отбоя пристально следи за голограммой часов на стене – ты отправишься в туалет, запрешь дверь изнутри и, выйдя через окно, по пожарной лестнице спустишься вниз. Как только окажешься на земле – не оборачиваясь беги к пристройке Баркера. Чуть левее от нее, на заборе уже будет висеть привязанным к столбу канат – об этом я тоже позабочусь. При помощи каната ты и переберешься через забор...

– Стой, что?.. Что значит “ты переберешься”? Ты ведь со мной.

– Нет. Ты побежишь одна. Не смотри на меня так. У меня слишком серьёзные изъятия, с такими не бегают...

– Тебе объявили ещё одно изъятие. Оно станет для тебя фатальным, и ты это прекрасно знаешь...

– Ты должна бежать, 11111. Должна, потому что не только можешь, но и хочешь. Дай мне только время на подготовку...

Меня вдруг осенило:

– Ты не один! – 11112 замер от моей громогласной догадки. – Конечно же ты собираешься организовать всё не в одиночку! Флешка с видеозаписями – где ты её достал? Как я конверт, увёл из-под носа какого-то наставника? Что ты творишь?..

– Одиннадцать...

– Флешка, вскрытие запаянного окна в туалете, канат через забор... Ты с кем? Кто с тобой? Та группа старших клонов-громил, с которыми ты в последнее время везде ходил, и с которыми я пересекалась на тайных занятиях по боевым искусствам Баркера?

– Это не важно, одиннадцать тысяч сто одиннадцать. Просто знай, что завтра ночью окно в туалетной комнате будет открыто и на заборе будет висеть канат. Мы позаботимся об этом...

– Вы?

– Не потеряй флешку...

Я резко схватила друга за руки, и с неприятием отметила их кажущуюся ледяной температуру:

– Ты должен идти со мной!

– Нет.

– Да, должен! Ты сможешь!

– Дело не в том, что я не могу, подруга, – глаза 11112 вновь покрылись поволокой, как будто бунтарского огня в них и не бывало. – Дело в том, что я не хочу.

Глава 15

Кажется ещё чуть-чуть, и меня всерьёз схватит озноб. Не из-за холода, хотя майская ночь и кажется прохладной. Я стою в тонкой пижаме, на моих ногах тонкие носки и тапочки с тонкой подошвой, пропускающие холод голого напольного кафеля, но потряхивать меня начинает всё-таки не из-за холода – из-за самого сильного переживания, которое мне только приходилось ощущать в своей жизни. Даже в пыточной, даже в шкафу с гвоздями внутри меня не возникало ничего подобного...

Что будет, если окно не откроется? Если оно, как и обычно, окажется замураванным?.. Целый день я только и думала об этом. Уже лежа в своей узкой кровати и беспокойно дожидаясь наступления двадцать третьего часа в подходящих к концу сутках, я неосознанно загоняла себя этой панической мыслью в тупик, но в итоге так и не загнала. Я сумела прийти к выводу, что в худшем случае потрачу немногим больше времени, но... Всё равно найду способ вытащить себя отсюда. До рассвета точно успею что-нибудь предпринять. Потому что с наступлением рассвета будет слишком поздно: либо эта ночь – моя последняя ночь перед разбором, либо эта ночь – мой первый шаг в пугающую неизвестность.

Решив наконец прекратить свои муки, вызываемые страхом перед закрытым окном, я коснулась замерзшими от переживания пальцами деревянной, выкрашенной в белый цвет и обшарпанной оконной рамы. Она на удивление легко подалась вверх. От радости я едва не прослезилась.

Лестница располагалась чуть левее от окна, без площади для залезания – необходимо было сразу из окна становиться на узкие ступени. Благо я всегда была очень ловкой и высоты, как это было у 11112, не боялась. Взявшись за металлическую перекладину лестницы одной рукой, я поморщилась от неприятного холода, исходяемого металлом. Пять секунд – и я уже стою на лестнице обеими ногами и держусь за нее одной рукой. Второй рукой я несколько секунд пыталась закрыть окно, но оно никак не поддавалось моим уговорам – заело. Решив наплевать на непредвиденную помеху, я начала поспешно спускаться вниз, при этом стараясь передвигаться как можно более беззвучно.

Между вторым и первым этажами я испугалась света, исходящего из примыкающего к лестнице окна на первом этаже, но заглянув в него сверху вниз, поняла, что тревога ложная: в аудитории никого не было. Скорее всего, какая-нибудь уборщица или наставница младших клонов уходя забыла выключить в помещении свет.

Спрыгнув на землю, я в считанные секунды переметнулась в густые кусты Еклунда, которые тот высадил здесь в самом начале весны – кустарники не принялись и теперь представляли собой заросли сухостоя, до которого руки ворчливого садовника, очевидно, не доходили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.